

П-66

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Г. Д. САНЖЕЕВ

МОНГОЛЬСКАЯ
ПОВЕСТЬ

О
ХАНЕ ХАРАНГУЙ

ᠬᠠᠨᠡ ᠬᠠᠷᠠᠨᠭᠤᠢ
ᠮᠣᠩᠭᠣᠯᠢ ᠰᠣᠪᠡᠰᠲᠦ

П-66

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Г. Д. САНЖЕЕВ

МОНГОЛЬСКАЯ ПОВЕСТЬ
О
ХАНЕ ХАРАНГУЙ

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ · XXII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1937 ЛЕНИНГРАД

Декабрь 1936 г. Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР

Непременный секретарь академик *Н. Горбунов*

Редактор издания *Н. Н. Поппе*

Технический редактор *М. А. Крылов*. — Ученый корректор *Н. Лебедева*.

Сдано в набор 18 августа 1936 г. — Подписано к печати 27 декабря 1936 г.

П 112
Библиотека Кингнэского
Филиала АН СССР

170 стр.

Формат бум. 72 × 110 см. — 10⁵/₈ печ. л. — 34960 зн. в п. л. — 9.29 уч.-авт. л. — Тираж 4225
Ленгорлит № 888. — АНИ № 1406. — Заказ № 1550

Типография Академии Наук СССР. Ленинград, В. О., 9 линия, 12

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
I. Повесть о хане Харангуй и монгольский эпос (опыт историко-литературного исследования)	11—44
а) Общие замечания о монгольском эпосе	11
б) О композиции и морфологии повести „Хан Харангуй“	17
в) Персонажи повести „Хан Харангуй“	20
г) Особенности текста повести „Хан Харангуй“	39
II. Перевод повести о хане Харангуй	47—78
III. Монгольский текст повести „Хан Харангуй“	81—170

ПРЕДИСЛОВИЕ

Как известно, до революции монгольская книжная литература, по крайней мере — художественная, была в значительной степени заимствованной и воспроизводящей. Различные индийские, тибетские и китайские литературные сборники еще издавна проникали в Монголию, где подвергались соответствующей переработке. Таковы, например, сказания о царе Vikramāditya, сказки Vetāla, рассказы из Damamūka, китайско-тибетский роман о богине Tāgā и др. Все эти иноземные произведения настолько заполнили собою скудные книжные полочки монгольских грамотеев, что не оставалось места для оригинальных монгольских сочинений, которых и не было, если не считать исторических хроник Саган Сэцэна, Алтан Тобчи и т. п. Создавалось довольно оригинальное положение для народа, имеющего длительную историю своей письменности (начиная с XIII в.), но не создавшего своей оригинальной книжной художественной литературы в течение целых семи столетий! Но этого мало, отдельные списки иноземных литературных сборников, находившиеся у отдельных грамотеев, становились известными и неграмотным аратам, благодаря тому, что эти грамотеи, сами читающие по складам, устраивали своего рода „читки“. В результате всего этого не только исключалась возможность появления оригинальных художественных произведений на монгольском языке, но заглашалась народная сказка, которая все более и более отходила на задний план.¹ Почти все то, что по трудам Г. Н. Потанина, А. П. Беннигсена и др. было известно широким кругам как монгольские сказки, оказывалось иноземным. Создавалось впечатление, что монголы, такие любители сказок и рассказов, не имеют ни своих национальных сказок, ни героических былин. Если это в общем справедливо и по сей день в отношении сказок, то касательно героического эпоса удалось за последние тридцать лет (благодаря записям Г. И. Рамstedта, А. Д. Руднева, Ц. Ж. Жамцарано, Б. Я. Владимирцова, Н. Н. Поппе и др.) установить наличие у монголов множества эпических произведений. Повидимому, надо констатировать, что основной фонд монгольских сказок не восстановлен, хотя в отдельных случаях эти сказки там и сям находятся, напри-

¹ Б. Я. Владимирцов. Монгольский сборник рассказов из Rañcatantra, Пгр., 1921, стр. 36.

мер, у дархатов.¹ „Исчезновение“ монгольской сказки объяснимо в значительной степени тем, что сказка на первом этапе феодализма начала перерастать в героический эпос. Следовательно, некоторые фрагменты монгольской сказки необходимо искать в современном героическом эпосе, так же как фрагменты древне-монгольского эпоса мы находим в различных исторических сочинениях и хрониках.² Как бы то ни было, до революции в Монголии художественная словесность в общем была представлена в виде: а) преимущественно рукописных сборников переводных рассказов и сказок, б) устных пересказов этих сборников, в) национальных героических былин, г) песен самого разнообразного характера и содержания, д) немногих преданий и легенд и е) мелких фольклорных явлений, как, например, загадки, пословицы, благопожелания и т. п. А сказок, „своих“ монгольских сказок и оригинальных художественных произведений, написанных людьми, которых принято называть писателями, не было. Художественные произведения (повести, рассказы, стихи и драматические произведения) начали появляться лишь после революции 1921 года, и теперь в Монгольской Народной Республике имеются такие крупные писатели, как Буян Нэмэху, Дамдинсурун, Нацокдорджи и др.

Поэтому факт нахождения у монголов рукописи „Хан Харангуй“ надо признать незаурядным явлением. Собственно, найдена была рукопись у окинских бурят. История этой рукописи и ее нахождения такова: в конце XIX века один окинский лама по имени Дагва поехал в качестве паломника к буддийским святыням „около Бэйпина“, как нам передавали в Окинском районе буряты, и, возвращаясь домой, привез с собой копию с рукописи, находившейся в распоряжении какого-то грамотея. Установить с точностью, из какого именно пункта и от кого была привезена рукопись, не удалось. Окинские буряты сообщили нам, что она привезена из местности, находящейся где-то между Бэйпином и нынешним Уланбатором, т. е., повидимому, в восточной Халхе. Судя по орфографии и стилю, рукопись была привезена во всяком случае не из Южной Монголии.³ Рукопись „Хан Харангуй“ (ᠬᠠᠨ ᠬᠠᠷᠠᠩᠭᠤᠢ ᠶ᠋ᠢᠨ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨᠠᠭᠤᠨ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨᠠᠭᠤᠨ) — „Повесть о Хане Харангуй“, при ближайшем рассмотрении оказавшаяся письменной переработкой (едва ли простым переложением) одноименной, вероятно устной, героической эпопеи, ламой Дагва была размножена в двух-трех экземплярах среди окинских грамотеев (этот лама вообще занимался размножением некоторых книг и, как нам сообщили, этим самым составил себе побочный заработок; мы в Окинском районе видели у разных лиц различные рукописи, написанные одним и тем же почерком Дагвы, а почерк его отличался очень хорошей удобочитаемостью). Поэтому повесть „Хан Харангуй“

очень хорошо известна всем окинским бурятам, рапсоды которых слово в слово рассказывают ее, хотя и не являются грамотными людьми.

В начале 1925 г. мы получили письмо от Ринчина Бимбаева, члена Научно-исследовательского комитета МНР, в котором сообщалось, что в Уланбаторе со слов одного окинского бурята стало известно о наличии в Окинском районе, куда мы собрались ехать, рукописи о хане Харангуй. И, действительно, в июле 1929 г., прибыв в Окинский район от Монгольской экспедиции Академии Наук СССР, мы нашли у одного ламы названную рукопись и без особого труда получили ее (ныне она собственность Института востоковедения Академии Наук СССР, Mong. Nova, 241, Inv. 0—1929 г., n°. 1323). Рукопись — очень хорошей сохранности, написанная от руки чернилами на русской бумаге; размер 23 × 8 см, всего сорок девять листов с обычной для рукописей прописной пагинацией на лицевой стороне (итого, значит, 98 страниц текста); на листах — никаких виньеток, текст лишь обведен рамкой в две линии (это и есть размер рукописи, сама же бумага форматом 28 × 11 см); почерк бурятский, очень четкий; колофона нет.

„Хан Харангуй“ (в живом бурятском произношении хāң хараңхī или хāң хараңхī) по содержанию напоминает типичную былинку, отличаясь от нее некоторыми особенностями, составляющими предмет нашего дальнейшего очерка. Пока-что „Хан Харангуй“ — единственный дошедший до нас образец писанного оригинально-художественного произведения у монголов на протяжении семи веков (от начала XIII в. до 1921 г.), ибо все остальные, как уже выше говорилось, представляют собою переводную литературу. Поэтому ценность этого документа чрезвычайна. Как это будет показано дальше, повесть „Хан Харангуй“ по нашему мнению не является простой записью народной (устной) эпопеи, это — подражание устной эпической поэме, эпическая повесть в стихах.

Текст мы печатаем, разбив его в стихах; в самой рукописи стихи написаны, по монгольскому обыкновению, сплошняком (как проза). Перевод нами сделан прозаически и, по возможности, буквально, причем в скобки заключены вставные слова, необходимые для более точного понимания. Для удобства чтения перевод печатается раньше текста.

16 II 1936 г. Москва

Г. Санжеев.

¹ Г. Д. Санжеев. Дархатский говор и фольклор, Л., 1931.

² Н. Н. Поппе. О древне-монгольской эпической литературе. Сб. „С. Ф. Ольденбург“, Л., 1934, стр. 433.

³ Ср. Б. Я. Владимирцов, *op. cit.*, стр. 453—454.

I
ПОВЕСТЬ О ХАНЕ ХАРАНГУЙ
И МОНГОЛЬСКИЙ ЭПОС

(Опыт историко-литературного исследования)

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ О МОНГОЛЬСКОМ ЭПОСЕ

Н. Н. Поппе в своей работе „Халха-монгольский героический эпос“ достаточно полно обрисовал особенности халхаских улигеров. Поэтому мы в настоящем очерке ограничимся лишь характеристикой поэмы о хане Харангуй, касаясь общих вопросов монгольского героического эпоса только в той мере, в какой это необходимо для полного разумеия данной поэмы.

Что героический эпос вообще, и монгольский в частности, окончательно оформился в эпоху феодализма, известно уже давно. Несомненно также и то, что героический эпос монголов в значительной своей части создавался в феодальной среде, в этой же среде он и культивировался и продолжал развиваться. Но, вместе с тем, мы не хотели бы упрощать дело утверждением, что героический эпос находил приют только в княжеских ставках и не находил себе места в убогой юрте арата. Кроме того, не надо забывать и того, что первоначальный героический эпос у монголов создавался на базе первобытного фольклора, пропитанного шаманистической фантастикой, выветрить которую не удалось и ламству. Несомненно, что у монголов эпохи разложения родового строя была богатая шаманская словесность наподобие той, какую мы находим у бурят.

Шаманская словесность, как известно, это вовсе не одни только „молитвы“ и призывания: в ней мы находим достаточно мощный слой таких песнопений и легендарных сказаний, которые посвящены хвалебному воспеванию некогда живших шаманов и шаманских богов.¹ Шаманская словесность воспевала прежде всего шаманскую родовую аристократию и отражала шаманистическое мировоззрение эпохи родового строя. А шаманская аристократия, как это известно нам из Юань чао би ши и из работ Хангалова и Клеменца, порою возглавляла у монгольских племен их родовые и даже племенные объединения: вспомним Тэб тэнгри, у которого „собралось людей девяти наречий, столь же много, как у самого

¹ Ср. Н. Н. Поппе. Проблемы изучения бурято-монгольского фольклора (Советский фольклор. Сборник статей и материалов, № 2-3, М. — Л., 1936, стр. 53—57); см. G. Sand-schejew. Weltanschauung und Schamanismus der Alaren-Burjaten. Anthropos, 1927, t. XXIII, стр. 596—613, 939—955; М. Н. Хангалов и Затопяев. Бурятские сказки и легенды. Иркутск, 1889.

Чингиса".¹ Когда монгольские племена вступили на путь феодального развития, их вожди эпохи раннего феодализма носили по преимуществу родовые титулы (беки, мэргэны и т. д.). Эти вожди, военачальники, вокруг которых группировались молодые люди, жаждущие добычи, являются тем звеном, через которое позднейшая феодальная аристократия протягивает свою руку древней родовой аристократии.

В отношении монголов эпохи разложения родового строя особенно справедливы слова Фр. Энгельса, высказанные им про древних германцев: „военный вождь, приобретший славу, собирал вокруг себя толпу жаждущих добычи молодых людей, обязанных ему личной верностью, как и он им“.² В эту боевую эпоху дружины военачальников, восприняли, вероятно, без особых изменений, старую шаманистическую словесность, которую как эстафету передали позднейшим феодальным полкам. Само собою разумеется, шаманистическая словесность, переходя из рук в руки и очутившись на привалах эпохи феодальных набегов и войн, теряла все более и более свою первобытность и обростала постепенно новыми чертами и настроениями, свойственными уже эпохе кочевого феодализма. „Фантастические образы, в которых сначала отражались только таинственные силы природы, теперь приобретают общественные атрибуты и становятся представителями исторических сил“.³ Этой исторической преемственностью и своеобразными условиями возникновения и развития монгольского кочевого феодализма и объясняется то обстоятельство, что в героическом эпосе монгольских народов мы в достаточном изобилии находим мощный слой мифологической фантастики, вытравить который не удалось буддизму. Мы, разумеется, не знаем, что представляла собою в XI—XII вв. шаманистическая словесность, но судить о ней можно, во-первых, по ее фрагментам, сохранившимся в героическом эпосе халхасов и исторических сочинениях (Саган Сэцэн, Алтан Тобчи и т. п.), и, во-вторых, по бурятскому шаманскому фольклору.

Несомненным для нас представляется то, что героический эпос начал складываться у монголов в XII—XIII вв. на базе шаманистического эпоса. Это был период раннего военно-кочевого феодализма, когда монголы в результате завершения процесса номадизации и отхода от охотничьего образа жизни начали расставаться с родовым строем. В самом деле, мы имеем свидетельство Марко Поло о том, что монголы перед боем играли на музыкальных инструментах и распевали песни. Едва ли эти песни, распевавшиеся в боевой обстановке, могли быть „лирическими“. А „Сокровенное сказание о Чингисхане“, известное под именем Юань чао би ши? Разве в нем мы не находим того колорита, который так харак-

¹ Труды членов Российской духовной миссии в Пекине, т. IV, СПб., 1866, стр. 136 (далее цитируется как Юань чао би ши).

² Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, Партиздат, 1934, стр. 127.

³ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, Партиздат, 1932, стр. 230.

терен для героического феодального эпоса? Разве те бесчисленные сцены набегов и грабежей (насильственный увод Алан гоа Добо мэргэном, нападение Исугэй багатура на Угэлун и ее пленение, набег на малолетнего Тэмучина тайджиутов, увод мэркитами жены Тэмучина), описываемые в этом сказании, не напоминают аналогичные сцены в современном феодальном эпосе? А разве, наконец, беседа Джамухи с найманским Даяном на горе Наху о чингисовых сподвижниках не напоминает нам те речи, которые говорил один из героев французского эпоса — „Песни о Роланде“ — Ганелон Марсилию, восхваляя сподвижников Карла, которому он изменил?

Это был период, к которому применимо следующее высказывание Энгельса: „Война, которая раньше велась только для отмщения за нападения или для расширения ставшей недостаточной территории“, велась „ради чистейшего грабежа“, становилась „постоянным промыслом“, когда „война и организация для войны“ стали „регулярными функциями народной жизни“.¹ Система грабежей была неотъемлемым свойством и феодалов послечингисовых времен (феодальные войны и набеги в периоды первых чингисханидов и Минской династии). „Правительства на Востоке всегда имели только 3 ведомства: финансовое (ограбление собственного населения), военное (грабеж внутри и в чужих странах) и ведомство общественных работ (забота о воспроизведении)“, — писал Энгельс.² У монгольских феодалов функционировали оба первые и в особенности второе „ведомство“ — война. Этим объясняется то обстоятельство, что в монгольском феодальном эпосе только война (набеги и грабежи) является его (эпоса) содержанием, тогда как в бурятском эпосе война ведется, говоря словами Энгельса, только для отмщения за нападения.

После Юаньской династии в минский период для монгольского феодализма наступают как бы черные дни: если в период Чингис хана и его преемников источниками присвоения колоссальной массы прибавочного продукта путем грабежа служил не только труд монгольского аратства, но и, главным образом, труд земледельческого крестьянства Китая, Ирана и т. д., то в минский период вся тяжесть феодальных поборов падает только на плечи монгольского аратства. Дело, как известно, доходило до того, что многие вынуждены были продавать своих детей, что имело место и раньше (см. Юаньши, IX, стр. 30). Этим и объясняется тот факт, что именно в XVI—XVII вв. усилилась эмиграция отдельных монгольских групп в пределы нынешней Бурят-Монголии. Сужение объектов и возможностей грабежа вне Монголии привело к еще большему процессу развязывания центробежных сил внутри самого монгольского феодализма, отсюда и усиление феодальных войн в Монголии; положение еще более усугублялось выступлением ойратских феодалов. Все это тяжелым бре-

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи..., стр. 143.

² Сочинения, т. XXI, стр. 494.

менем ложилось на плечи монгольского аратства и на состояние производительных сил тогдашней Монголии. Монгольские араты очутились в таком же положении, в каком оказались франкские крестьяне при преемниках Карла Великого.¹ Вот почему к концу Минской династии и в первые годы Дайцинской династии (особенно при императоре Кан-си) особенное значение приобретает буддизм, и появляется на сцену класс „желтых“ феодалов (ламство). Ламы отныне не подсобная сила светских феодалов, а решающая прослойка в среде монгольского феодализма, его господствующий сектор, ибо ни крупные феодалы и ни мелкие феодалы, раздираемые междоусобными войнами (и раздирающие аратов), не только не могли (как и короли франков после Карла Великого) оказать аратам „покровительство“, но сами были теми, против кого араты искали покровительства, будучи ими ограбляемы. Такой „покровительствующей“ силой и явилось ламство, поддерживавшееся и, отчасти, насаждавшееся манджурским двором. Развалом монгольского хозяйства и его производительных сил объясняется так называемый „буддийский ренессанс“ в Монголии, а не избытком продуктов на основе, якобы, подъема производительных сил. Известно, например, что в Европе „добровольное вступление в крепостное состояние проходит через всю историю средневековья...“² что было обусловлено тем тяжелым состоянием, в котором очутилось крестьянство Европы в результате беспрерывных войн между феодалами. Роль и значение буддизма как социальной силы были отчасти таковыми же, как и роль и значение католицизма в Европе: Монголия в то время нуждалась в централизующей силе; „...великим интернациональным центром феодальной системы была римско-католическая церковь, — писал Энгельс, — несмотря на все внутренние войны, она объединяла всю феодальную Западную Европу в одно огромное политическое целое... Она окружила феодальный строй священным ореолом божественной благодати“.³ И вот, монгольский буддизм, окруживший „феодальный строй священным ореолом божественной благодати“, стал по существу господствующей силой в Монголии, но вассалом по отношению к манджурскому двору. Буддизм проникает во все стороны монгольской жизни с тем, чтобы потом предстать перед аратом в роли его господина. Ламство, став господствующим классом в Монголии, начало подчинять своему господству все проявления народной жизни, диктовать и навязывать свои мысли угнетенному им аратству (иногда и огнем и мечом). Оно не могло не обратить внимание на такой важный конденсатор народной мысли, как фольклор вообще и героический эпос в частности. Ламство первоначально боролось против фольклора двумя способами: распространением различных религиозных притч (джатак и т. д.) и методами прямого террора (запрещение распевать поэмы из фольклора). Но оно очень скоро вынуждено было считаться с живучестью фольклора,

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи..., стр. 135.

² Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 69.

³ Энгельс. Об историческом материализме, Партиздат ЦК ВКП(б), 1935, стр. 13.

и тогда оно обратилось к третьему пути — к приспособлению фольклора к своим интересам и настроениям. Поэтому не очень далеко ушел от истины А. М. Позднеев,¹ когда он утверждал, что монгольская поэзия проникнута буддийскими настроениями; он был бы абсолютно прав, если бы свой вывод ограничил только в пределах ведущих и господствующих образцов монгольского фольклора, в котором, конечно, были и демократические элементы, тоже по условиям места и времени окрашивавшиеся в религиозные тона. Ламское влияние на народную словесность было чрезвычайно значительно: ведь даже в первые годы монгольской революции песни частично окрашивались в религиозные тона; такая песнь, как „Красное знамя“, служит неопровержимым к тому доказательством.²

Подвергся ламскому влиянию (и переделке, правда, частичной) героический эпос. В этом отношении характерна также и поэма о хане Харангуй. Если мы будем сравнивать фрагменты „древнего“ монгольского героического эпоса, имеющиеся в Юань чао би ши, сочинениях Саган Сэцэна, Алтан Тобчи и др. и разобранные Н. Н. Поппе в „Сборнике С. Ф. Ольденбургу“ (1934, стр. 427—436), и бурятские улигеры с халха-монгольскими эпическими произведениями, то в последних явственно почувствуем ламский колорит. Однако ткань и халха-монгольского героического эпоса оказалась настолько устойчивой, что ламское влияние не видоизменило ее в такой степени, чтобы можно было говорить о ламском героическом эпосе. Но поверхностность ламского влияния на героический эпос халха-монголов ощутима лишь для исследователя; что же касается народной массы, то для нее этой наличной поверхностности оказалось достаточно для того, чтобы герои эпоса представлялись рыцарями буддийской церкви.

Таким образом основная задача, поставленная перед собою ламством в отношении героического эпоса, может считаться в известной мере выполненной с успехом.

Экспансия ламства в области народного творчества была различной в зависимости от того или иного жанра фольклора. Песни, например, в значительном количестве становились проникнутыми буддийским содержанием и настроением, что, конечно, не исключало появления временами юмористических песен в отношении ламства, которые при всем их кажущемся антиламском характере не всегда могут быть рассматриваемы как антирелигиозные. Что же касается различных рассказов, большинство которых для Монголии литературного происхождения, то ламство постаралось снабдить их соответствующими сентенциями, не внося существенных изменений в самый текст. То же, что внесло ламство в героический эпос, заслуживает особого внимания, так как об этом почти никем ничего не писалось.

¹ А. М. Позднеев. Образцы народной литературы монгольских племен, вып. 1, СПб., 1880.

² Б. Я. Владимирцов. Этнолого-лингвистические исследования в Урге..., Л., 1927, стр. 7—8.

В эпосе северных бурят действие происходит в двух мирах: нижнем, т. е. на земле, и верхнем, т. е. на небе. В предприятиях героя самое близкое участие принимают боги-небожители — тэнгрии. Эти шаманские боги помогают героям эпоса одолевать врагов и являются покровителями героев. Так, например, в эхирит-булагатском улигере „Аламжи мэргэн“ герой рождается „под крылом семидесяти семи тэнгриев и под пером девяносто семи тэнгриев“, „рождается он волей Эсэгэ Малан тэнгрия (бурятского верховного божества) славным мужем“. Далее, чтобы победить своего врага (одного мангатхая) и уничтожить его душу, он у этого же Эсэгэ Малан тэнгрия выпрашивает двух щенков, которых он и получает. На небе же он получает для своей сестры платье. Тэнгрии являются шаманскими божествами. Образы этих же тэнгриев имеются и у халха-монголов. Но посмотрите, как с этими образами „боролись“ ламы. С одной стороны, отдельные шаманские божества объявляются божествами буддийскими; вспомним, например, историю с шаманским „гением“ Дайн Дэрхи¹ или — с бурятским Гужир тэнгрием, объявленным бодисатвой Махакалой (Mahākāla).² С другой стороны, методами различного вида террора ламство в Монголии не без успешного для себя результата пытается вытравить из памяти народа представления об этих шаманских божествах. В нашей рукописи „Хан Харангуй“ тэнгрии по возможности представлены ламами как враги рода человеческого. Вообще же в халха-монгольском героическом эпосе тэнгрии последовательно заменяются буддийскими божествами. В этом эпосе покровителями героев являются уже не тэнгрии, а такие буддийские божества, как, например, Дзонхава, Хоншим бодисатва, Махакала и др., — это к ним обращаются в случае нужды герои эпоса точно так же, как бурятские герои — к тэнгриям.

Далее, вмешательство ламства в процесс эпического творчества выражается в таких общих местах, как зачин и концовка улигера. Герой, например, рождается не тогда, когда „гигантские рыбы были пескарями“, как это мы видим в эпосе у бурят, а тогда, когда Далай лама был еще банди, — это в зачинах. А в концовках мы встречаем лишь буддийскую формулу „Омманипадмехум“: все остальное в халха-монгольском героическом улигере отсутствует, иначе говоря, концовки, как таковой, почти нет, что несомненно говорит об упрощении героического эпоса в целом. Однако, что бы ни делали ламы с народным творчеством, обволоченным феодальным колоритом, все же лирика арата иногда пробивается в героическом эпосе. Прав был Б. Лауфер, когда писал о монголе, что „в своих песнях он встает перед нами со своими радостями и горестями, со своей искренней любовью к родине, к широкой степи и к горячему степному коню, с трогательной привязанностью к матери, к возлюбленной,

¹ Б. Я. Владимирцов, *op. cit.*, стр. 25.

² См. Н. Н. Поппе. Описание монгольских „шаманских“ рукописей Института востоковедения. Записки ИВАН, т. I, стр. 152.

к жене“.¹ Посмотрите, например, на Уладай мэргэна, упавшего в обморок, как только издали увидел он свои родные кочевья и вспомнил свою прекрасную мать Тунхэ Гоа и отца. Или вот кони хана Харангуй и Уладай мэргэна, на чужбине узнавшие друг друга и радостно потому ржущие между собою! Что бы ни делали ламы с народным творчеством, говорим мы, в эпических произведениях халха-монголов все же чувствуется „аромат степей“ и чаяния арата жить, „вне не подпуская бедствия, в юрте не допуская зла, над собою не зная властелина, а возле себя — врага“ (см. стр. 49 рукописи). И, тем не менее, мы не должны забывать того, что духовное порабощение аратов со стороны ламства имело глубокие корни в сознании арата.³

О КОМПОЗИЦИИ И МОРФОЛОГИИ ПОВЕСТИ „ХАН ХАРАНГУЙ“

Для разумения какого-либо литературного явления или произведения чрезвычайно важно проследить те формы, в которые оно (произведение) отливается; это особенно важно в отношении фольклорных произведений, в процессе своего развития проходящих через различные формы. Поэтому мы полагаем, что очерк композиции и морфологии „Хана Харангуй“ настоятельно необходим.

Прежде всего по своему размеру „Хан Харангуй“ для халха-монгольского героического эпоса является весьма большим произведением: в нем около четырех тысяч стихов, тогда как обычные халха-монгольские улигеры содержат самое большое около полутора тысяч стихов, например, „Лучший из мужей Эринцэн мэргэн“, опубликованный Н. Н. Поппе в III томе „Образцов народной словесности монголов“ (Л., 1932); в среднем же эти улигеры содержат около 700—800 стихов; таковы, например, „Лучший из мужей Дзан Дзалудай“, опубликованный в четвертом выпуске „Материалов комиссии по исследованию Монгольской и Танну-тувинской народных республик и Бурят-Монгольской АССР“ (Л., 1929), и др. Большой размер „Хана Харангуй“ является результатом повторности ряда эпизодов, например, последовательной борьбы с различными врагами. Разумеется, борьба с каждым врагом в отдельности не может быть рассматриваема как отдельный „ход“ (по терминологии В. Я. Проппа) или „тур“ (по терминологии Н. Н. Поппе).³ Тот анализ структуры халха-монгольских улигеров, который дан в работе Н. Н. Поппе, свидетельствует, что по своей композиции эти улигеры не всегда могут считаться образцами совершенства. В самом деле, от любого художественного произведения,

¹ Б. Лауфер. Очерк монгольской литературы. Перевод В. А. Казакевича, Л., 1927.

² В общем влияние ламства на национальный монгольский фольклор было чрезвычайно роковым и пагубным; оно, ламство, исказив монгольское устное народное творчество, не создало, однако, сколько-нибудь значительных художественных ценностей.

³ Ср. Н. Н. Поппе. Халха-монгольский героический эпос, Л., 1937, стр. 74.

в том числе и от фольклорного, требуется, чтобы его отдельные части были органически связаны между собой. А что мы видим, например, в былине „Баян Боролдой хан“, содержание которой передает нам Н. Н. Поппе? В первом туре герой сражается с мангусом, после победы над которым грабит его имущество и отправляет к себе всех его подданных. Во втором туре он едет к Хурмуста тэнгрию сватать его дочь, которую получает после ряда приключений. Спрашивается: чего ради этот герой после победы над мангусом едет за невестой? Вопрос несколько странный, но вполне уместный, когда хочешь уловить органическую, композиционную связь между частями одного целого. В этой былине нет художественной „правды“: если бы два тура ее (этой былины) были связаны между собой, то поездка героя к дочери Хурмуста тэнгрия (точнее — необходимость этой поездки) вытекала бы из изложенного в первом туре, как мы видим это в бурятских улигерах. Например, в „Аламжи мэргэне“ поездка сестры героя за невестой (второй ход) необходимо вытекает из изложенного в первом ходе: погиб герой (после победы над мангусом) от руки зловредных дядей, и воскресить его может только Булад Хурай — его невеста. То же самое мы видим в другом бурятском улигере „Айдурай мэргэн“.

Однако не во всех халха-монгольских улигерах туры органически несвязаны между собой. Так, например, в „былине“ „Лучший из мужей Дзалудай мэргэн“ второй тур органически вытекает из первого: герой, ограбленный в первом туре мангусом, остался без жены, значит ему нужно вновь жениться. Третий тур органически связан с предыдущими тем, что „за это время“ подрос сын героя от его жены, уведенной в первом туре мангусом. Такая же органическая связь между турами чувствуется в былине „Лучший из мужей Ягандар“: гибель (от руки мангуса) героя в первом туре, воскрешение его во втором туре дочерью царя синих драконов, сватовство к этой дочери — в третьем, и победа над мангусом в четвертом туре (а также избавление жены и женитьба сына на дочери царя синих драконов).

В общем для большинства халха-монгольских былин не трудно усмотреть однообразный сюжетный канон: а) гибель от мангуса или поражение в борьбе с ним героя и пленение мангусом жены героя, б) избавление героя или его воскрешение какой-нибудь девицей (царевной или дагини), в) встреча со своим сыном („какой-то мальчик“) на охоте или при объезде скота, родившимся от его жены (плененной мангусом, беременной от героя) в доме мангуса, г) победа над мангусом и женитьба сына на дочери какого-нибудь хана и т. п. Этот канон в суженной форме в однотурных былинах сводится либо к борьбе с мангусом, всегда побеждаемым, либо к женитьбе героя на какой-нибудь красавице, которую он получает после ряда состязаний (обычно трех).¹

¹ Поппе, цит. соч., стр. 74 сл.

Теперь посмотрим, из каких сюжетных единиц состоит наш „Хан Харангуй“, несомненно подвергшийся литературной обработке, а потому более напоминающий „повесть“, нежели былину:

1. Время и место рождения и характеристика хана Харангуй, лучшего из мужей.
2. Выезд на охоту как тренировка к будущим боям.
3. Прекрасная дагини Толи Гоа, дочь Бурал хана, которую сватает сын небес Эрхим Хара, посылает своего пастуха к хану Харангуй (она хочет выйти за него замуж).
4. Пастух прибыл к хану Харангуй и, прокричав ему, что он упускает свою предопределенную невесту, ускакал домой.
5. Хан Харангуй, сев на своего темнорыжего коня, мчится вслед за пастухом к своей невесте — Толи Гоа.
6. Родители хана Харангуй (хан Митал угэй и царица Тунхэ Гоа) посылают вслед за ним его младшего брата Уладай мэргэна, чтобы он прислуживал и помогал хану Харангуй.
7. Уладай мэргэн догнал хана Харангуй; происходит трогательная встреча братьев и их радостно ржущих коней.
8. Братья едут дальше, и через некоторое время (в течение которого новорожденный ребенок превратился в мужа) из под их стремян выскочил пятнадцатиголовый мангус, проглотивший Уладай мэргэна вместе с его конем и исчезнувший затем в Дзамбутибе.
9. Погоня хана Харангуй за мангусом и избавление Уладай мэргэна после победы над мангусом. Заодно избавляется группа людей, проглоченных в разное время этим же мангусом.
10. Братья, прибыв далее во владения Бурал хана, превращаются в двух грязных плешивых „парней“, коней же своих они превратили в трех шелудивых жеребят, после чего поехали дальше.
11. Встреча братьев с пастухом Бурал хана, ночлег у пастуха и разговор о прекрасной дагини Толи Гоа; пастух рассказывает об изумительной красоте и могуществе этой царевны. У пастуха же происходит показ мощи братьев, сумевших справиться с верблудицей, с которой никто до них не мог справиться.
12. Ночью, вдруг, стало светло: царевна повернулась во сне в эту сторону (от сияния ее щеки становится светло, как если бы зорька засияла); братья едут дальше, думая, что настало утро, но они вынуждены вновь остановиться на ночлег в степи из-за наступившей темноты (царевна повернулась на другой бок).
13. Утром братья подъехали ко дворцу Бурал хана, где раздражили двух силачей, приготовлявших площадку для ханской забавы. Объяснение с ханом, приказывающим своим силачам выбросить братьев вон, но последние во дворе прикончили этих силачей.
14. Бурал хан созвал свой народ и спросил, кто расправится с плешивыми? Послали за силачом Наран Саран Тулаем, который пришел

после долгих увещаний, так как когда-то хан не вознаградил его за важные услуги (за победу над врагами).

15. Происходит длительная борьба мнимых плешивых с силачом Наран Саран Тулай, которого в конце концов побеждают и кости которого сжигают.

16. Толи Гоа, царица, и ее сестра Уйлэн Солонго из своего дворца рассматривают плешивых, возвращающихся после победы над силачом, приняв свой прежний облик. Братья заходят к царевнам и беседуют с ними.

17. Толи Гоа посылает хана Харангуй к Эрхим Хара, приехавшему сватать ее. Хан Харангуй объявляет о цели своего прибытия и при помощи своего брата устраивает большое угощение. Хан объявляет, что его дочь получит тот, кто выйдет победителем в трех состязаниях мужей.

18. Хан Харангуй побеждает своего соперника Эрхим Хара в трех состязаниях: в стрельбе из лука, в конских скачках и в борьбе. Победенный Эрхим Хара уехал домой без ничего.

19. Хан, собрав свой народ, выдает своих дочерей за хана Харангуй (Толи Гоа) и Уладай мэргэна (Уйлэн Солонго). Братья со своими женами, получив подарки от хана, возвращаются домой.

20. Дорогой, на одном ночлеге, Толи Гоа посылает хана Харангуй на борьбу с Хиргис Сайн Буйдэром: „Муж, родившись дома, должен в поле умереть“. Хиргис Сайн Буйдэр, определив, что ему не одолеть хана Харангуй, решает с ним побрататься, на что тот отвечает согласием.

21. На втором ночлеге хан Харангуй, по совету Толи Гоа, отправляется на Болдзотынский холм, где уничтожает пять драконов.

22. С третьего ночлега хан Харангуй отправляется на борьбу с Хатан Цэнгэлэм, которого побеждает с помощью Хиргис Сайн Буйдэра (см. сюжет 20).

23. Верхние тэнгрии посылают на борьбу с ханом Харангуй хана мангусов, который убивает Уладай мэргэна и Хиргис Сайн Буйдэра, но погибает от руки хана Харангуй, в чем последнему помогает темно-рыжий конь.

24. Толи Гоа и Уйлэн Солонго воскрешают Уладай мэргэна и Хиргис Сайн Буйдэра.

25. С пятого ночлега хан Харангуй отправляется на борьбу с Эрхим Хара, которому удается похитить Толи Гоа. Этого врага нашему герою удалось одолеть после долгих приключений, отправившись за ним на небо, где уже собирались женить Эрхим Хара на Толи Гоа.

26. На шестом ночлеге, ночью, некоему существу удалось превратить хана Харангуй в мангуса, Уладай мэргэна и его коня в каменные изваяния, а Хиргис Сайн Буйдэра — в вепря, ибо все они заснули (несмотря на строгое предостережение Толи Гоа).

27. Толи Гоа и Уйлэн Солонго остались вдвоем; скоро от последней родился мальчик, который рос не по дням, а по часам.

28. Мальчика отправляют к Хоншим бодисатве и к двадцати одной Дара эхэ за силком, шариком и тарелочкой; Хоншим бодисатва дает указания, что делать мальчику с этими вещами.

29. Мальчик при помощи полученного шарика, силка и тарелки приводит в прежний человеческий облик хана Харангуй, Уладай мэргэна и Хиргис Сайн Буйдэра. Происходит встреча этих мужей с Толи Гоа и Уйлэн Солонго, которые рассказывают обо всем, что с ними произошло.

30. Все возвращаются домой, где застают нападение на их родителей, учиненное черным злобным врагом с многочисленным войском. Бой кончается победой хана Харангуй и его братьев.

31. Финал. Устраивается брачный обряд хана Харангуй с Толи Гоа и Уладай мэргэна с Уйлэн Солонго. Пир. От Толи Гоа рождается мальчик. Новый пир и обряд наречения имени детей трех мужей. Все счастливо проживают вместе с Хиргис Сайн Буйдэром, переселившимся к ним для совместного проживания со всеми своими подданными и имуществом.

Как видно из изложенного, поэма „Хан Харангуй“ совершенно не похожа на то, что нам известно по устному халха-монгольскому эпосу. Ее отдельные мотивы, конечно, находят свои параллели в любом эпосе монгольских народов, в том числе и халха-монгольском; таковы, например, явления героя к невесте в образе паршивого мальчика; душа противника, в образе змеи, высывающейся из ноздрей коня во время боя; пастух как осведомитель, три вида борьбы или состязания (стрельба, конские скачки, борьба) и мн. др. В этом смысле это далеко не „типичная былина“, как говорит Н. Н. Поппе.¹ Более всего по всей композиции „Хан Харангуй“ напоминает нам монголо-ойратские эпосы, но только напоминает, ничего общего, повидимому, с ними не имея. Слаженность между отдельными частями и сюжетами в повести „Хан Харангуй“, композиционная его особенность и тот факт, что до сих пор не обнаружен устный его вариант (нам даже неизвестен случай, свидетельствующий о том, что где-либо в Халхе рассказывается „Хан Харангуй“), говорят за то, что „Хан Харангуй“ не представляет собою простую запись устного улигера. Повидимому, это — литературное произведение одного какого-нибудь анонимного автора, использовавшего для своего сочинения устный эпос во всем его многообразии. Характерно, что среди ойратов найдена аналогичная рукопись о хане Харангуй, почти целиком совпадающая по содержанию с нашей, но сильно испорченная. Спрашивается: почему нужно было и как это случилось, что в разных районах (на границе Китая и Монголии, откуда происходит наша рукопись, и в Кобдоском округе) Монголии стали запи-

¹ См. его „Проблемы бурят-монгольского литературоведения“ в „Записках ИВ“, т. III, стр. 24. Считаем необходимым отметить, что называя наш улигер типичной былинной, Н. Н. Поппе имел в виду улигерную форму этого произведения и отдельные эпизоды, а не совокупность всех элементов, из которых складывается общее содержание произведения, и в этом своем определении он, безусловно, прав.

сывать одну и ту же „былину“, притом неизвестную нам в ее устной передаче?

Если поэтому „Хан Харангуй“ действительно представляет собою творчество одного нам неизвестного автора, а не запись, то этому автору пришлось проделать довольно сложный монтаж из различных фольклорных сюжетов и мотивов, ибо в повести „Хан Харангуй“ почти нет ни одной строки, которая не имела бы своих параллелей в устном эпосе. Это положение не может быть поколеблено тем, что кое-где „Хан Харангуй“ рассказывается, ибо это „кое-где“ находится только там, где мы обнаруживаем рукописи этого произведения. Известно, что „если в какой-либо местности живет монгол-грамотей, имеющий, например, несколько глав сказания о Гэсэр хане, можно быть уверенным, что большинство монголов во всем округе... хорошо знают именно эти главы и часто совершенно точно могут указать на определенное лицо как на источник своего знания“.¹

Но допускаемый нами автор-грамотей проделал одну чрезвычайно важную для него работу, а именно ту, в результате которой „Хан Харангуй“ характерен „анти-тэнгриным“ направлением. Дело сводится к следующему: почти во всех монгольских (халха-монгольских, ойратских и, особенно, бурятских) эпических произведениях тэнгрии (боги шаманского пантеона, небожители) характеризуются с положительной стороны, как гении-хранители и покровители (а в бурятских — даже как родители: вспомним к тому же Гэсэр хана, сына Хурмуста тэнгрия) героев, эти тэнгрии всячески помогают героям и т. п. Не то мы видим в нашем „Хане Харангуй“: уже с первых строк сообщается, что герой родился таким могучим, что мог он состязаться с тэнгриями (ᠬᠠᠨ ᠬᠠᠷᠠᠩᠭᠤᠢ ᠶ᠋ᠢᠨ ᠲᠡᠩᠭᠢᠷᠢᠨ ᠶ᠋ᠨ ᠶ᠋ᠨᠠᠭᠤᠨ ᠶ᠋ᠨ ᠶ᠋ᠨᠠᠭᠤᠨ, см. стр. 81). Затем эти же тэнгрии настроены против хана Харангуй: с их стороны появляется соперник героя в отношении его невесты Толи Гоа (см. сюжет 3), это они снабжают своего сына Эрхим Хара лошадьми против хана Харангуй, посылают разных силачей и некое существо, чтобы его погубить (см. сюжеты 23 и 26). И хан Харангуй выходит победителем в борьбе с посланцами тэнгриев лишь благодаря тому, что ему помогают буддийские божества (см. сюжет 28 и 29), а на челе у него величие Махакалы и т. д. Таким образом автор умело использовал для себя все богатство народного эпоса, незаметным образом создал образ рыцаря буддийской церкви, образ чрезвычайно завуалированный (он не идет в монахи и не делает каких-либо подношений в пользу храма), потому что он своим острием направлен против тэнгриев, т. е. против шаманистической мифологии, борьбе с которой ламство придавало чрезвычайно большое значение. Вот почему окинский (бурятский) лама, паломник к буддийским святыням около Бэйпина, привез из восточной Халхи или, может быть, южной Монголии, рукопись „Хан Харангуй“, тщательно ее переписав. Повидимому, ламаист-автор, создавая „Хан Харангуй“, во-

¹ Б. Я. Владимирцов. Монгольский сборник рассказов из Pancatantra, стр. 437.

первых, стремился что-то противопоставить обычной народной устной словесности, и, особенно, Гэсэриаде, в отношении которой С. А. Козин заходит слишком далеко, неосновательно усматривая в ней (Гэсэриаде) почти революционную сатиру на ламство.¹ Во-вторых, этот возможный автор, создавая как бы памфлет против шаманистической мифологии, стремился к тому, чтобы его произведение по своей ткани не противоречило привычным фольклорным „вкусам“ массы и по своим сюжетам совпадало с эпическими творениями вообще, — это ему вполне удалось.

Вполне удачен монтаж сюжетов в этой поэме-эпосе, удачен настолько, что он не чувствуется. Отдельные элементы „Хана Харангуй“ очень хорошо слажены между собою, и несмотря на то, что в этом произведении имеется несколько батальных сцен, отсутствует скучная повторяемость одних и тех же положений или мотивов: каждая новая батальная сцена происходит совсем иначе, нежели предыдущая, чего не наблюдаем мы в некоторых других былинах, в которых следующая батальная сцена до мелочей повторяет предыдущую. Во всей композиционной ткани „Хана Харангуй“ некоторое ощущение недоговоренности вызывает лишь то, что ничего не говорится о жене Хиргис Сайн Буйдэра, хотя в финале говорится о его сыне, нареченном „Одолевающим приходящих врагов и всеми непобедимым Боролдзон Бэтэгэ“.

Поскольку отдельные мотивы и сюжеты, имеющиеся в „Хане Харангуй“, находят свои параллели в разнообразных эпосах монгольских и иных народов, мы не находим нужным вдаваться здесь в сравнительную сюжетологию, ибо это пока-что едва ли может привести нас к особенно интересным выводам, кроме голого утверждения о том, что такой-то мотив в „Хане Харангуй“ встречается также и в таком-то эпическом произведении, хотя подобного рода работа совершенно необходима для уяснения вопросов истории структуры и композиции всего монгольского эпоса в целом.

Считаем нужным указать на одну особенность „Хана Харангуй“: в нем нет мотивов, связанных с путевыми препятствиями (непроходимые леса, горы и моря) и вредителями мелкого ранга (зловредные старики и старухи), животными персонажами (кроме коней самого героя и драконов, посылаемых тэнгриями). Одним словом, в этом произведении персонажи первобытной мифологии почти отсутствуют; что же касается мангусов, то от них очень трудно отделить людей, и у них кроме имени и множества голов ничего нет нечеловеческого.

Теперь несколько общих замечаний о морфологических канонах, встречающихся в повести „Хан Харангуй“. Все монгольские эпические произведения между собой имеют много общего не только по линии своего содержания и единства своего развития. Между ними наблюдается большая

¹ Гэсэриада. Перевод, вступительная статья и комментарии С. А. Козина. Изд. Академии Наук СССР, 1935, стр. 34.

близость и в отношении тех средств, при помощи которых носители эпоса (рапсоды, певцы, сказители и т. д.) создают, передают друг другу и совершенствуют свои творения. Эти средства тем более необходимы носителям эпоса, что без них было бы чрезвычайно трудно хранить в памяти колоссальное количество стихотворных былин, некоторые из которых доходят до 20 000 строк (например, бурятская Гэсэриада), не говоря уже о невозможности создавать новые произведения. К таким средствам прежде всего относятся так называемые „общие места“, т. е. стандартные стихи для описания различных положений и предметов (время, место и обстоятельство рождения героя, дворец, кочевья, владения, скот, одежда, оружие, выезд, встреча с новыми персонажами, состязания, бои, сватовство, красота невесты, способы узнавания и выведывания о друзьях и врагах, отправление в верхнее небо, братание с противником, пир, рождение детей, созыв ханом народа и т. д. и т. п.). Можно смело сказать, что носителю эпоса достаточно иметь не более двадцати-тридцати общих мест, стандартных кусков эпоса в стихотворной форме, чтобы распевать или рассказывать эпопею любого содержания, ибо эти стандартные общие места встречаются во всех эпопеях почти без всякого изменения, лишь иногда подвергаясь некоторому сокращению или видоизменению весьма незначительного свойства.¹ Но знание „наизусть“ общих мест еще недостаточно для того, чтобы быть носителем эпоса, нужно обладать еще знанием морфологических канонов эпоса, при помощи которых регулируются различные сюжеты и мотивы, снующие в многообразном улигере.

Монгольский эпос вообще создал для себя ряд обязательных положений, в силу которых действия, развертывающиеся в том или ином произведении, чередуются и следуют друг за другом в определенной последовательности, одни действия вызывают другие (определенные) действия. Так, например, если в халха-монгольском героическом эпосе мангус захватывает у героя жену, то последняя обязательно захватывается, будучи беременной от своего мужа; запрет всегда нарушается (в одном бурятском улигере женщина советует птичке никогда не садиться на сучок дерева, птичка нарушает совет, resp. запрет, и погибает). Анализ морфологических канонов дает возможность судить о степени формального совершенства данного произведения. Разумеется, не следует представлять себе эти каноны в виде застывших форм и стоящих вне всякого развития.

Морфологические каноны, наличествующие в героическом эпосе, безусловно свидетельствуют о том, что такой эпос по своему слоевому составу генетически восходит к сказочному эпосу, насыщенному мифологическими и волшебными образами. Каноны в структуре фольклорного.

¹ Поппе, цит. соч., стр. 96 сл.

явления суть неотъемлемое свойство так называемой волшебной сказки.¹ О том, что героический эпос монгольских народов генетически восходит к сказочному эпосу, под влиянием растущих феодальных отношений переросшему в героический, мы уже писали не раз.² Поэтому мы позволяем себе перейти непосредственно к разбору некоторых сюжетов „Хана Харангуй“ с точки зрения соблюдения в нем морфологических канонов.

Вслед за исходной ситуацией (время, место и обстоятельства рождения и краткая характеристика хана Харангуй) говорится о том, что герой отправляется на охоту ради тренировки к будущим боям. Такая „тренировочная“ или предварительная отлучка героя из дома особенно свойственна бурятскому эпосу. Хотя такая отлучка как бы преследует охотничьи цели, но результат ее оказывается неожиданным: во время этой отлучки герой получает известие от своей predeterminedной невесты (как в „Хане Харангуй“) или приобретает нового друга, а иногда — находит славного коня. Разумеется, хан Харангуй поехал к невесте, поехал он так, что земля заколебалась. Колебание земли от езды героя по канону эпоса есть средство сообщить надлежащему лицу о чьем-либо прибытии или поездке. И, действительно, хан-батюшка узнал о поездке сына и отправил вслед за ним младшего сына — Уладай мэргэна. Встречают братья неожиданно мангуса. Такая встреча с путевым вредителем необходима эпосу для показа мощи героя и его коня. Мангус иногда может быть заменен старухой-злодейкой, непроходимыми морями, которые должен одолеть герой, что неизбежно связано с показом его мощи. В повести „Хан Харангуй“ встреча с мангусом использована также для показа и буддийского благочестия (избавление из утробы мангуса живых существ) героя. Кстати отметим особенность поездки хана Харангуй и его брата — они „скачут точно бдительные волки“; в бурятском улигере „Аламжи мэргэн“ Агу Гохон скачет, превратившись в волка (конь заранее превращается в русское огниво):³ такова метаморфоза одного элемента в эпосе по мере перерастания последнего из сказочного в героический.

Далее, герои, приняв облик двух плешивых, встретились с верблюжатником Бурал хана. Эта встреча дает возможность показать как мощь героев, так и, в особенности, ханской дочери; мощь последней во всем монгольском эпосе обнаруживается так же, как в повести „Хане Харангуй“ (см. стр. 12 рукописи). В отношении борьбы хана Харангуй с Наран Саран Тулаем и Эрхим Хара каноничным является то, что соблюдается принцип третичности (стрельба, скачки и борьба), а также и то, что противники героя предлагают состязаться на более легких условиях, чем герой. Чтобы покончить с морфологическими канонами, укажем на два случая запрета, по логике эпоса обязательно нарушаемого: хан Харангуй запре-

¹ В. Пропп. Морфология сказки, Л., 1928, стр. 28—34.

² См. нашу работу в журнале „Советский Фольклор“, 1936.

³ Аламжи мэргэн. Перевод И. Новикова под ред. Г. Д. Санжеева, Academia, 1936,

шению друг к другу и по отношению к оседлым народам (Китай). А стремятся герои эпоса к захвату в первую очередь людей потому, что „могущество феодальных господ, как и всяких вообще суверенов, определялось не размерами их ренты, а числом их подданных, а это последнее зависит от числа крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство“.¹ Захватывают этих людей герои эпоса вместе с их скотом и имуществом: „юрта за юртой народ будет кочевать ко мне“, — говорит Бум Эрдэни (см. выше).

Что же касается хана Харангуй, то он в общем напоминает по мотивам своего выступления ойратского героя Бум Эрдэни. Кроме того, хан Харангуй — образ, несколько „обработанный“ ламством, это как бы феодальный рыцарь буддийской церкви. В этом отношении хан Харангуй как будто не имеет в монгольском эпосе своего прототипа или своей „копии“, тогда как другие герои чрезвычайно похожи друг на друга, какими бы разными именами и титулами они не назывались. Всякий феодал старается окружить свое имя славой, ибо и от этого зависит его классовое благополучие; он должен быть настолько мощным, чтобы в борьбе со своими врагами справляться с ними своими силами, не прибегая к помощи других. Вот почему хан Харангуй большею частью справляется со своими врагами, не прибегая к помощи других, за исключением своих вассалов, каковыми в сущности являются его брат Уладай мэргэн и Хиргис Сайн Буйдэр. Что же касается остальных черт в характере хана Харангуй („честность“: он отказывается от помощи Уладай мэргэна в борьбе с Наран Саран Тулаем, см. стр. 166 рукописи), то нет надобности о них распространяться.

Таким образом для всего монгольского эпоса мы можем наметить следующие основные типы героя: а) Аламжи мэргэн — характерный образ для большинства бурятских улигеров, в основном сложившихся в дофеодальный героический период. Мотивами выступления подобного рода героев являются соображения, вытекающие из особенностей идеологии родового строя (помощь сородичам); б) Лучший из мужей Дзалудай мэргэн, герой одноименной былины, — характерный образ для большинства халха-монгольских былин, выступающий на борьбу с врагами ради отмщения за нападения, это — феодал по преимуществу обороняющийся, еще недостаточно окрепший для агрессивных выступлений и ищущий поддержки у более мощных феодальных сеньоров — ханов — путем получения их дочерей в жены (своеобразная форма вассалитета в истории Центральной Азии); в) ойратский Бум Эрдэни, герой одноименной ойратской эпопеи, характерный образ мощного и агрессивного феодала, выступающего на борьбу с врагами ради чистейшего грабежа, ищущий себе жену не ради получения чьей-либо поддержки, а ради увеличения своего удела, феодала; на этого феодала мало кто решится напасть, скорее он сам „всех обидит“; г) наконец, хан Харангуй, образ единичный в эпосе у монголов, фальсифицированный

¹ Маркс. Капитал, 1936, т. I, стр. 616.

ламством. Это тип феодала, несколько напоминающий Бум Эрдэни (агрессивность), но слегка отличающийся от него только тем, что его образ острее направлен против образов шаманистической мифологии, следовательно, образ, не весьма характерный для монгольского фольклора вообще. Таковы, в сущности, три основных типа героев (Аламжи мэргэн, Дзалудай мэргэн и Бум Эрдэни) во всем монгольском эпосе (кроме калмыцкого); другие персонажи-герои представляют собою либо вариацию этих типов, отличаясь от них лишь другими именами, что для нас не является особенно существенным, либо — типы переходные или комбинированные. В дальнейшем более подробные исследования по истории типа героя покажут нам, что начерченные нами три типа героев могут быть рассматриваемы не только диахронически (история феодализма и его эпоса), но и синхронически (расслоение внутри одного класса феодалов); это особо касается халха-монгольского героического эпоса, в котором, как и в бурятском, много переходных типов.

Родители. Хань, являющиеся родителями героев или их невест, во всех почти монгольских эпических произведениях являют собою феодалов, мощь которых достаточно велика, чтобы, во-первых, оказывать поддержку своим вассалам и, во-вторых, не искать новых приключений. Это — с одной стороны. С другой стороны, это — феодалы, мощь и колоссальное богатство которых держится благодаря наличию у них поддержки вассалов. Они главным образом озабочены тем, чтобы сохранить в своих руках владения и своих подданных, лишиться которых в условиях межфеодальных войн было чрезвычайно легко.¹ Отсюда двойственный характер отца невесты героя в монгольском эпосе. С одной стороны, у них ищут поддержки герои эпоса путем получения права жениться на их дочерях. С другой стороны, они очень осторожны в своей „политике“, что заставляет их искать более мощных вассалов (дочерей они выдают лишь тому, кто окажется победителем в трех состязаниях), по отношению к которым они находятся в определенной зависимости. Так, например, Бурал хан, будущий тесть хана Харангуй, посылает за силачом (и своим зятем) Наран Саран Тулаем послов с просьбой помочь ему в борьбе с мнимыми плешивыми (см. стр. 104). Этот вассал отказывается ему помочь, упрекая своего хана-сюзерена (и тестя) в том, что последний не вознаградил его за прежние услуги. Положение для Бурал хана создавалось явно безвыходное: самому с врагом не справиться, а вассал отказывается помочь. По этой же причине, боясь возможных поражений, Митал угэй (что значит, по иронии судьбы, Бесстрашный), отец хана Харангуй, предостерегает хана Харангуй от похода: „Глупый ты, мой, негодный! — говорит он своему сыну (см. стр. 83—84), — Ведь это тело твое еще маленькое, еще жидка твоя кровь, еще тонка твоя кость! К чему тебе спешить к встрече с подобными врагами?“ Стоило хану Харангуй уехать,

¹ См. Б. Я. Владимирцов, Общественный строй монголов, Л., 1934, стр. 148—158.

как было произведено нападение на его отца, который, оказавшись один, уже был одолеваем нападшими.

Из истории нам известно, что даже сам Чингис хан выдавал свою жену Джурджедаю, которому он был многим обязан, а дочь свою — за уйгурского Идикут¹ (и пытался породниться с Ван ханом). То обстоятельство, что образ отца невесты (или изредка — героя) во всем монгольском эпосе слишком однотипен по своим особенностям, позволяет сделать заключение, что он не имеет длительной истории своего развития и что, следовательно, „возник“ он в эпосе значительно позднее остальных персонажей. Если же иметь в виду эпосы северных бурят и сибирских тюрков,² в которых мы имеем стариков, родителей героя, то должно заметить, что эти старики представляют собою персонажи, необходимые лишь в зачинах (эпилоге). Если говорить о времени возникновения и сложения образа „отца невесты“, то можно иметь в виду лишь минский период, период особенных межфеодальных распрей в Монголии, когда шатались в борьбе с тайджиями ханские троны, тогда как образы героев эпоса (типа Дзалудай мэргэна и Бум Эрдэни, не говоря уже об Аламжи мэргэне) начали складываться значительно раньше (еще, вероятно, в XII в.). Последнему положению не может противоречить тот факт, что конкретный тип Бум Эрдэни (а не общего Бум Эрдэни) сложился у ойратов в так называемый ойратский период истории монголов, т. е. в XV—XVII вв.

Вообще говоря, чрезвычайно трудно приурочить возникновение монгольского эпоса в целом к какому-нибудь определенному периоду. Тем не менее нам нужно согласиться с Н. Н. Поппе, когда он полагает, что „халха-монгольский героический эпос очень ярко отражает те феодальные войны, которые происходили в XIV—XVII столетиях“.³ Это в общем справедливое замечание требует ряда оговорок. Прежде всего отдельные элементы и образы современного халха-монгольского героического эпоса складывались как до феодальных войн, так и после этих войн, — это признается и самим Н. Н. Поппе. Затем те сцены, которые мы находим в этом эпосе, также могут быть приурочиваемы к событиям конца XII в., т. е. к событиям первых годов Тэмучина.

Помощники. Каждый или почти каждый герой любого эпического произведения монголов действует, имея помощь со стороны каких-нибудь других персонажей, история которых в большей мере, нежели история самих героев, показывает нам историю развития монгольского эпоса в целом: от сказки мифолого-фантастического характера к феодальной былине. Если мы условимся рассматривать эпосы различных монгольских народов как различные этапы в развитии одного и того же явления, то эпос эхирит-булагатов (и бурят вообще) представляет собою в основном нечто такое, через которое когда-то прошел современный халха-монголь-

¹ Юань чоа би ши, стр. 118—131.

² См. A Schiefner, Heldensagen der Minussinschen Tataren. S. Petersburg, 1859, passim.

³ Поппе, цит. соч., стр. 40.

ский героический эпос. И вот, в этом эхирит-булагатском эпосе помощниками героя являются различные зооморфные персонажи (царь — орел, гигантская рыба и т. д.). С точки зрения морфологии эпоса эти персонажи эхирит-булагатского эпоса выполняют те же функции, что и различные витязи, помогающие героям в их борьбе с врагами. От животных персонажей первобытного эпоса к вассальным витязям феодального эпоса, — вот история развития эпоса у монголов вообще. Само собою разумеется, эта трансформация образа помощника связана и обусловлена в конечном счете изменением в общественных отношениях монгольских народов (от родового строя к разным ступеням феодального развития). Так как об истории этого образа мы писали в других своих работах,¹ то здесь переходим непосредственно к характеристике и разбору типов помощника в „Хане Харангуй“.

Помощниками хана Харангуй являются его брат Уладай мэргэн и витязь Хиргис Сайн Буйдэр, со стороны Бурал хана действуют Наран Саран Тулай и силачи Аргай Бухэ и Шаргай Бухэ. Обычно помощниками героя являются равные ему или побежденные им витязи, сделавшиеся его „названными“ братьями, младшими братьями. Изредка в роли помощника героя выступает его кровный родной брат; таков, например, Уладай мэргэн. Как известно, в феодальные периоды родство (тесть и зять и „названные“ братья) между семьями феодалов было иногда своеобразной формой установления и выражения вассалитета. В героическом эпосе у монголов, в особенности у ойратов, побратимство совершается в результате того, что два витязя не могут одолеть друг друга; в некоторых же былинах этот обряд совершается в результате победы героя над таким же витязем, как и он сам: побежденный витязь в своем последнем слове выражает сожаление о том, что не сбылась его мечта встретиться с неким витязем и побрататься с ним, а этим „неким“ витязем оказывается его победитель, и борьба между ними как бы молчаливо признается „недоразумением“. Условие побратимства — помогать всегда друг другу; первоначально такое условие по существу еще не является установлением вассальных отношений, поскольку оно совершается между двумя равными сторонами. Восходит этот обряд еще к периоду родового строя. Однако с течением времени этот обряд становится формой установления вассальности, причем, сюзерен именуется „старшим братом“, в соответствии с чем в эпосе витязь-сюзерен (в нашей поэме „Хан Харангуй“) по возрасту оказывается старше своего названного брата. Однако побратимство как форма вассалитета в эпосе чрезвычайно завуалировано и неуловимо. Так, например, в ойратской эпосе „Бум Эрдэни“ герой оказывает помощь своему названному брату Хаджир Хара, у которого разграбили народ. Впрочем, этот случай может рассматриваться как помощь, которую сюзерен

¹ Г. Д. Санжеев. По этапам развития бурят-монгольского героического эпоса. „Советский фольклор“, № 4.

обязан оказывать своему вассалу (вспомним Ван хана керейтского, оказавшего аналогичную помощь молодому Тэмучину).¹

Первым помощником нашего хана Харангуй является его младший брат Уладай мэргэн, долг которого по отношению к своему старшему брату выражен в следующих словах его отца: „Твой старший брат поехал на врага. Ты садись на сивого свирепого коня с белой шерстью на лбу, на нем ездит твой отец, и величиною он с гору. Поезжай затем вслед за своим старшим братом! Когда он будет останавливаться на ночлег, побереги его лошадь и место (ночлега) очисти от деревьев! А когда же он будет собираться в путь, приготовь ему лошадь и оседлай ее ему!“ Уладай мэргэн в пути во всем помогает своему старшему брату: участвует вместе с ним в боях, вместо него скачет на коне во время состязания и оказывает ему ряд других услуг. Но зато и хан Харангуй не оставляет его в беде, спасая его от мангуса и от прочих врагов.

Вторым помощником хана Харангуй является витязь Хиргис Сайн Буйдэр, владеющий „северо-восточной стороной“ и имеющий тридцать витязей и триста всадников („гвардейцев“), т. е. такой же крупный феодал, как и хан Харангуй. Первоначально Хиргис Сайн Буйдэр имел намерение сразиться с ханом Харангуй и отбить у него невесту, но потом, определив, что ему не одолеть хана Харангуй, он решил отправиться к хану Харангуй, чтобы побрататься. Хиргис Сайн Буйдэр несколько раз помог хану Харангуй одолеть его врагов, немедленно появляясь, как только последнему предстояло с кем-либо сражаться.

Особенно интересен тип Наран Саран Тулая. Это довольно мощный феодал и вассал Бурал хана, оказавший значительную услугу своему сюзерену и тестю, за что, однако, не был вознагражден. Когда Бурал хан его призвал к бою с ханом Харангуй, то он сначала наотрез отказался исполнить просьбу своего сюзерена, а в конце концов, явившись к нему, сказал: „Ну, Бурал хан! Кто победил лучших десять мужей из десяти разных стран и сто лучших мужей из ста разных стран, тех мужей, которые развалили твои горы, высушили твои воды и разорили твой народ? Кто восстановил твою державу и благословенную религию? Не я ли победил всех твоих врагов, питаюсь своей черной плотью и выпивая свою кровь? За все эти свои заслуги вот уже три года я ничем не вознагражден!“ Будучи затем побежден ханом Харангуй, Наран Саран Тулай выражает свое сожаление, что он, во-первых, напрасно служил Бурал хану (намекая, очевидно, на неблагодарность своего сюзерена) и, во-вторых, не встретился до конца своих дней с ханом Харангуй, которому был бы, повидимому, не прочь послужить. Когда же хан Харангуй открывает ему свое имя и предлагает побрататься, он отказывается от этого, ссылаясь на свою клятву убить себя в случае какого-либо поражения, но поручает хану Харангуй воспитать своего сына, т. е. как бы вместо себя предлагает ему

¹ Юань чао ми ши, стр. 53—54.

в вассалы своего сына, о котором говорит следующее: „Еще одно мое благое заветное сожаление, это то, что я хотел дожить, но не доживу до того, как мой единственный сын станет взрослым настолько, что его рука дойдет до тороков седла, а ноги его — до стремян!“ И он умер, заколов себя мечем, как подобает славному витязю, со словами: „Муж, родившись дома, должен в поле умереть!“

Кончая обзор помощников героя, т. е. вассалов, мы вынуждены все же отметить, что в монгольском эпосе не создан идеальный тип или образ вассала, как это имеет место, например, в средневековом французском эпосе („Песнь о Роланде“), в котором воспеваются тот кодекс морали, которого должен придерживаться истинный и верный вассал:

„Обязан каждый рыцарь за сеньора
Терпеть и зной, и холод, и лишения.
Жалеть не должен кровь свою и тело!“¹

Причину изложенного надо искать в том, что современный монгольский эпос, как правильно заметил это Н. Н. Поппе, в общем отражает те события, которые имели место в Монголии в период Минской династии, когда мелкие феодалы вели борьбу с крупными, в условиях которой (борьбы) тип идеального вассала исторически был представлен в лице одного лишь Цокту тайджи.² Это — во-первых. Во-вторых, не надо забывать того, что в Монголии долго продолжали жить некоторые принципы, свойственные эпохе родового строя (экзогамия, побратимство и т. д.). Тип идеального вассала мог бы быть найден в древне-монгольском эпосе эпохи Чингисхана, если бы обнаружили более значительные фрагменты этого эпоса, чем те, которые мы имеем.³

Противники. Противников хана Харангуй можно подразделить на две категории: пятнадцатоголовый мангус (сюжет 8), Эрхим Хара (сюжет 18) и Хатан Цэнгаль (сюжет 22) — с одной стороны; Наран Саран Тулай (сюжет 15), пять драконов (сюжет 21), хан мангусов (сюжет 23), некое существо (сюжет 26) и черный злобный враг (сюжет 30), — с другой. Первая категория противников хана Харангуй выступает против последнего по своей собственной инициативе, преследуя свои личные цели, тогда как вторая группа сражается с ханом Харангуй по поручению третьих лиц (Бурал хана и тэнгриев).

Что касается пятнадцатоголового мангуса, то это типичный путь в ой вредитель, характерный для так называемой волшебной сказки и эпоса северных бурят. Борьба хана Харангуй с этим мангусом пред-

¹ Песнь о Роланде. Перевод Ф. Г. де-ла-Барта, Госиздат, 1929, стр. 10.

² Б. Я. Владимирцов. Надписи на скалах халхаского Цокту тайджи. ИАН, 1926, стр. 1253—1280.

³ Н. Н. Поппе. О древне-монгольской эпической литературе. Сб. С. Ф. Ольденбург, Л., 1934, стр. 433.

ставляет собою как бы репетицию грядущих боев с более серьезными противниками. Обычно герои, победив такого мангуса и распоров ему живот, освобождают проглоченных мангусом людей целыми айлами с навьюченными верблюдами и стадами. Этот образ, конечно, восходит к первобытной шаманистической словесности и, вообще говоря, для феодального эпоса не характерен.

Эрхим Хара — такой же витязь, как и сам хан Харангуй, покровительствуемый верхними тэнгриями и сражающийся с ханом Харангуй из-за прекрасной Толиа, т. е. в сущности за владения и удел Бурал хана, старого феодала. Характерно, что хан Харангуй, дважды победив Эрхим Хара, оставляет его живым (во второй раз по просьбе тэнгриев). Эрхим Хара — характерный образ соперника героя в борьбе за невесту, он больше соперник, нежели противник. Отметим, что почти во всем монгольском эпосе борьба героев с их соперниками всегда кончается победой героев, что вполне понятно (герои всегда побеждают), и никогда не завершается смертельным исходом: герои с соперниками лишь состязаются за право получения ханской дочери (стрельба, конские скачки и борьба). Необходимо также отметить, что невеста почти никогда не является объектом насильственного увода и пленения, тогда как жены сплошь и рядом подвергаются захвату. Вот почему Эрхим Хара, заявивший хану Харангуй, что он не имеет против него „злости“, нападает на своего бывшего соперника тогда, когда Толи Гоа выбыла с ханом Харангуй из родительского дома (см. сюжеты 18 и 25), и ему, Эрхим Хара, сначала даже удается захватить Толи Гоа.

Хатан Цэнгаль — тип феодала, ищущего случая с кем бы сразиться, чтобы ограбить чужое добро и владения: „Мне нечего сказать, — заявляет он, побежденный ханом Харангуй. — Уничтожил я десять мужей в десяти разных странах, захватил я себе несметное богатство. Что же мне теперь сказать? Муж, родившись дома, должен в поле умереть. Кончай меня скорее!“ (сюжет 22). Хатан Цэнгаль — тип феодала, предпочитающего умереть, нежели сделаться вассалом другого феодала. Девизом такого рода феодалов является изречение: „Муж, родившись дома, должен в поле умереть!“ Хатан Цэнгаль во многом напоминает собою Чжамуху, который тоже предпочел умереть, чем сделаться вассалом Чингисхана.¹

Герой, победив своего противника, обычно предлагает ему или стать его вассалом („названным братом“ — по терминологии эпоса), что облачается в следующую формулу, произносимую им над побежденным противником: „Если есть у тебя, что сказать, говори! Если нет, то умри ты молча!“ — или: „Если есть у тебя сожаление-пожелание (ᠠᠨᠢᠨᠢᠨᠠᠨᠢ), то говори!“

По „логике“ или канону эпоса любой противник героя может сделаться вассалом победившего его витязя; но мангусы всегда уничто-

жаются, они никогда не делаются вассалами героя, точнее — их никогда не делают таковыми, ибо они признаются непримиримыми врагами рода человеческого вообще. Если мангусы и являются иногда „вассалами“, то их „сюзеренами“ всегда являются мангусы же или тэнгрии (например, хан мангусов, см. сюжет 23).

Что же касается второй категории противников хана Харангуй, выступающих по поручению третьих лиц, то о них нечего много распространяться, тем более, что о Наран Саран Тулай мы уже выше говорили.

Женские персонажи. Характеристика образов невесты и жены героя уже дана в работе Н. Н. Поппе.¹ Здесь мы хотели бы лишь отметить линию эволюции образа невесты-жены героя или женских персонажей вообще. Если мы проследим женские персонажи во всем монгольском эпосе, то в общем заметим, что по мере дальнейшего развития эпоса в целом роль женских персонажей все более и более падает. Там, где эпос в большей мере отражает доскотоводческую эпоху или в большей мере носит в себе следы этой эпохи (например, в эпосе эхирит-булагатов), роль женских персонажей очень велика, там женщины являются даже героинями того или иного эпического произведения (например, Агу Гохон в „Аламжи мэргэне“). В дальнейшем женщина в эпосе выступает в качестве объекта борьбы между отдельными витязями, такова, например, Толи Гоа в нашей повести „Хан Харангуй“. При этом „ценность“ такого объекта тем более высока, чем более значительна мощь той или иной царевны, что определяется не только ее личными качествами („умершего оживляет и обедневшего обогащает“), унаследованными от шаманистической фантастики, но и богатством ее отца, крупного феодала (обязательно хана, исключения очень редки).

Пастух. Тип пастуха или табунщика в монгольском эпосе чрезвычайно интересен. Чаще всего пастух или табунщик выступает под именем Аксагалдая (в нашей повести „Хан Харангуй“ — пастух верблюдов не имеет имени, см. сюжеты 3, 4, и 11—12). Проследим эволюцию этого типа или образа. В большинстве бурятских улигеров Аксагалдай является „обыкновенным“ пастухом, не играющим в улигерах никакой особой роли, ему лишь приказывают доставить такую-то лошадь, иногда ему приходится докладывать своему хозяину о том, что в табуне родился „удивительный жеребенок“ (в унгинском эпосе). Именуется этот Аксагалдай — „Аксагалдай хара хитат“, что значит „черный раб Аксагалдай“. В халха-монгольском эпосе этот образ отличается „своею двойственностью: если табунщик Аксагалдай в былина „Эринцэн мэргэн“ выступает в роли старшего брата героя и его спасителя, то, наоборот, в былина „Дзалудай мэргэн“ он, запуганный мангусом, решается на измену своему

¹ Юань чао би ши, стр. 113.

¹ См. его „Халха-монгольский героический эпос“, стр. 85—87.

господину и портит его вооружение.¹ Следовательно, в халха-монгольском эпосе Аксагалдай то является таким же пастухом, как и в бурятском, то чем-то вроде советника или „регента“. В ойратском эпосе табунщик Ак Сахал является дядей героя, заменяющим последнему его родителей, и одновременно его табунщиком, т. е., надо полагать, „управляющим“ стадами и табунами. В нашем „Хане Харангуй“ пастух именуется „тэмэ-чином“, т. е. верблюжатником, и выполняет поручения ханской дочери Толи. Кстати, заметим, что русское слово „пастух“ не совсем точно передает соответствующие монгольские слова: $\overline{m}a\overline{t}u\overline{h}$ „ $\overline{m}a\overline{t}u\overline{h}$ “ $\overline{m}a\overline{t}u\overline{h}$, которые могут означать не только „пастух“, но и „наблюдающий за скотом или табуном“. От рабства (в бурятском эпосе) к аристократии (в ойратском эпосе), вот путь, который прошел Аксагалдай в истории монгольского эпоса. То, что он в халха-монгольском эпосе является то пастухом, то аристократом (старшим братом героя), объясняется лишь тем, что развитие этого образа в этом эпосе не завершилось в такой степени, как в ойратском эпосе.

Спрашивается: почему именно „раб“ в конце концов превращается в аристократа, именно „раб“, пасущий стада? Б. Я. Владимирцов объяснил это тем, что ойратской героической аристократической былине было как-то „неловко“ иметь в качестве табунщика простого человека, и потому будто бы, эта былина его превратила в аристократа (дядю героя).² Нам же кажется, что объяснение должно быть найдено в истории Монголии, из которой нам известно, что при определенно сложившихся условиях бывшие рабы достигали в обществе значительного положения. Ф. Энгельс, например, говорит: „Тогда как вольноотпущенные рабы вообще занимали подчиненное положение, ибо они не могли принадлежать ни к какому роду, такие любимцы часто достигали у новых королей высоких постов, богатства и почета. То же самое происходило и после завоевания Римской империи военачальниками, ставшими теперь королями больших стран. У франков рабы и вольноотпущенники короля играли — сперва при дворе, а затем в государстве — большую роль; большая часть нового дворянства ведет свое происхождение от них“.³ То же самое происходило в сущности у монголов, вспомним историю „унаган боголов“ или „боголов“, которые сперва, несомненно были рабами.⁴ А что рабы у древних монголов должны были быть пастухами и табунщиками, понятно из того, что у кочевых народов рабы не могли иметь иного назначения. Само рабство возникает из первого крупного общественного разделения труда, т. е. когда пастушеские племена

¹ Поппе, цит. соч., стр. 90.

² Владимирцов. Монголо-ойратский героический эпос, стр. 47.

³ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Москва, Партиздат, 1934, стр. 127.

⁴ Владимирцов. Общественный строй монголов, стр. 64—70.

выделились из остальной массы варваров.¹ Чингисхан, как известно, назначил пастуха овец Дэгая тысячником „бездомного народа“ (Юань чао би ши, стр. 124). Отсюда видно, какую роль играли пастухи или табунщики в феодальном хозяйстве; отсюда же понятно, почему именно пастухи иногда быстро двигались вверх по лестнице феодальной иерархии (вплоть до дядюшки героя в ойратском эпосе), тогда как для аратов (крестьян) такая возможность была абсолютно исключена. И отсюда же понятна та метаморфоза, которую претерпел Аксагалдай (от скромного „черного раба“ пастуха до положения аристократа, дядюшки героя) в эпосе монгольских народов. Поэтому, едва ли можно было бы согласиться с тем, что в двойственном персонаже халха-монгольского Аксагалдая отразилась классовая борьба эпохи феодализма, что в Аксагалдае можно видеть арата, который в момент межфеодальных войн восстает против своего владельца. Такого вывода нельзя делать только на основании того, что в некоторых былинах халха-монголов Аксагалдай, напуганный мангусом, портит оружие своего господина: напуганные люди никогда не восстают.

Что касается верблюжатника Бурал хана в „Хане Харангуй“, то его место в серии образов Аксагалдая в монгольском эпосе, в общем, таково же, как и место табунщика, пастуха быков и овчаря халха-монгольского эпоса. Это уже не „черный раб“ бурятского эпоса, но еще не „аристократ“ ойратского эпоса; это — важное и доверенное лицо из феодальной челяди, которому доверено хозяйство феодала (следить за его стадом и табуном); ему же иногда поручается какая-нибудь важная миссия, для выполнения которой нужен верный и толковый человек, в известной мере — „свой“ человек, блюститель интересов семьи своего владельца, каковым не может быть родовой арат, крепостной. Вот почему герои эпоса (хан Харангуй в том числе) прежде всего встречаются с табунщиками и овчарями, встречаются с ними до того, как явиться к своим невестам.²

Относительно остальных персонажей „Хана Харангуй“ (и монгольского эпоса вообще) нет особенной надобности распространяться, так как о них необходимые сведения можно найти в работе Н. Н. Поппе. Скажем только о мангусах, что их значение и бытование в эпосе все более и более падает по мере того, как мы от бурятского эпоса через халха-монгольский идем к ойратским эпопеям, но до полного исчезновения мангусов и полной замены их людскими персонажами монгольский героический эпос не дошел (кроме Джангариады), как то мы имеем, например, во французской „Песне о Роланде“ и т. д.

В заключение отметим характерную фразу, которую произносит верблюжатник Бурал хана мнимым плешивым при первой с ними встрече:

¹ Ф. Энгельс, op. cit., стр. 139.

² Ср. Поппе, цит. соч., стр. 90.

ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТА ПОВЕСТИ „ХАН ХАРАНГУЙ“

В пределах настоящей работы едва ли есть особенная необходимость в каком-либо исследовании фонетических, вернее — графических, и морфологических особенностей языка рукописи „Хана Харангуй“, которые в общем ничем не отличаются от того, что встречается в обычных халха-монгольских рукописях. Эти особенности, как известно, обусловлены влиянием форм живой халха-монгольской речи, о чем уже давно писали Г. И. Рамstedт и Б. Я. Владимирцов.¹ Поэтому мы здесь ограничимся лишь некоторыми беглыми замечаниями. Уже указывалось Б. Я. Владимирцовым, что халха-монголы пишут под влиянием своей живой речи, несколько отклоняясь от форм так называемого классического литературного языка. Само собою разумеется, эти отклонения чаще всего встречаются в рукописях; что же касается печатных изданий (типографских — в особенности), то в них диалектизмы в начертаниях встречаются сравнительно редко, так как всякое отклонение от норм классического языка по возможности отсекается специальными корректорами. Тем не менее наиболее частые диалектизмы, встречающиеся в рукописях, проникают в печать, получая право гражданства; таковы, например, слова ᠲᠡᠷᠦᠨ вместо ᠲᠡᠷᠦᠨᠢ или ᠲᠡᠷᠦᠨᠢ 'теперь'; изредка ᠪᠡᠳᠠᠨᠢ вместо ᠪᠡᠳᠠᠨᠢ 'провинция, степь'; ᠮᠤᠮᠤᠰᠢ [по аналогии с ᠮᠤᠮᠤᠰᠢ] вместо ᠮᠤᠮᠤᠰᠢ или ᠮᠤᠮᠤᠰᠢ 'песня' и т. д. Что же касается рукописей, минующих руки редактора, то в них отклонения от классических форм встречаются довольно часто; но не следует думать, что эти отклонения уже получили всеобщее распространение по всей Монголии или что они уже канонизированы практикой, вытеснив собою однозначные формы классического литературного языка. В этом отношении наша рукопись „Хан Харангуй“ является весьма характерной: так, если в ней и наблюдается, например, безразличное употребление двух суффиксов дательного-местного падежа (ᠲᠡᠷᠦᠨ вместо ᠲᠡᠷᠦᠨᠢ или, наоборот, ᠲᠡᠷᠦᠨᠢ вместо ᠲᠡᠷᠦᠨ на ряду с формами на ᠲᠡᠷᠦᠨᠢ или ᠲᠡᠷᠦᠨᠢ), все же мы констатируем стремление автора или переписчика рукописи по возможности соблюдать правила классической орфографии. То же самое надо сказать и о формах всех остальных падежей (сравнительно редкое употребление в родительном падеже ᠰᠢ или ᠰᠢᠨ вместо ᠰᠢᠨ на ряду с более частым и правильным употреблением форм ᠰᠢᠨ , ᠰᠢ и ᠰᠢᠨ ; ᠮᠤᠮᠤᠰᠢ или ᠮᠤᠮᠤᠰᠢ на ряду с классической формой исходного падежа ᠲᠡᠷᠦᠨ и т. д.

¹ Г. И. Рамstedт. Сравнительная фонетика монгольского письменного языка и халхаско-ургинского говора, СПб., 1908, стр. 1—5; Б. Я. Владимирцов. Монгольский сборник рассказов из Райсатантра. Пгр., 1921, стр. 53—66.

„Откуда вы идете, молодые, с величием в лице и огнем в глазах, такие невзрачные собою и с дождевой накидкой на плечах? Где ваши кочевья, кто ваш владетельный повелитель...? (см. стр. 96 рукописи), Кто ваш владетельный повелитель ($\text{ᠲᠡᠷᠦᠨᠢ ᠲᠡᠷᠦᠨᠢ ᠰᠢᠨ ᠮᠤᠮᠤᠰᠢ}$)?“ В этих словах выражен „лозунг“, издавна господствовавший у монголов: „как простой народ может жить без владельца“, лозунг, соответствовавший средневеково-французскому: „*nulle terre sans seigneur*“.¹ В условиях феодализма действовал принцип, согласно которому всякий человек должен иметь своего „владельца“, а каждый феодал — своего сюзерена. Разумеется, этой фразы нет в бурятских улигерах, по крайней мере в тех, которые нам известны (аларские, окинские, унгинские, эхирит-булагатские, боханские, ольханские и хоринские).² Еще на заре монгольского феодализма, задолго до Чингисхана, простой народ, не имеющий владельца, немедленно подвергался нападению и насильственному захвату со стороны „ранних“ феодалов. Так, например, Бодунчар, предок Чингисхана в восьмом колене, встретив людей, не имеющих владельца, сказал своим братьям: „У тех людей, что на берегу реки Тунгэли, нет головы, которая правила бы ими; у них большой и малый равны; легко прибрать. Нам овладеть бы ими“. Братья, посоветовавшись между собой, захватили этих людей. „Посему у них был и скот, и прислужники на обедах“.³ Значит, рабы (а потом крепостные) нужны были для скота.

Если мы теперь попытаемся по данным „Хана Харангуй“ представить социальную „анатомию“ эпоса, то получим следующую иерархическую лестницу в феодальном обществе, в основном близкую к той действительности, которая имела место в Монголии в период Минской династии:

1. Хан — верховный сюзерен.
2. Мэргэн — крупный феодал, вассал хана, но сюзерен менее слабых феодалов.
3. Витязь — не всегда носящий титул мэргэна, вассал мэргэна, окруженный дружиной и ратниками.
4. Багатур и хошучины — более мелкие феодалы, невладельческие арриер-вассалы, составляющие дружину более мощных феодалов.
5. Дархан — свободный человек из бывших рабов (представлен в образе табунщика).
6. Народ (албату — подданные, крепостные) в эпосе обычно „безмолвствует“.

Затем глухо говорится о сайтах и тушимелах (мелкие феодалы, потевшие уделы, и чиновники),⁴ созываемых ханом на собрание.

¹ Владимирцов, цит. соч., стр. 158.

² Там речь идет о „ханах“ (да и то не во всех улигерах).

³ Юань чао би ши, стр. 29.

⁴ Б. Я. Владимирцов, op. cit., стр. 153.

Б. Я. Владимирцов в цитированной выше работе дал список тех отклонений от норм классической орфографии, которые встречаются чаще всего в рукописях. Поэтому мы ниже привели лишь те отклонения, которые характерны для нашей рукописи и не отмечены Б. Я. Владимирцовым. Прежде всего обращают на себя внимание различные формы с притяжаниями:

1. ᠠᠨᠠᠨᠠᠨ вместо классического ᠠᠨᠠᠨ ᠰᠤᠨᠠᠨ (дательный падеж плюс притяжание 3-го лица), например, ᠠᠨᠠᠨᠠᠨ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨ 'в его груди' (стр. 1), ᠠᠨᠠᠨᠠᠨ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨ 'в его табунах' (стр. 4б.).

2. ᠠᠨᠠᠨ вместо классического ᠠᠨᠠᠨ или ᠠᠨᠠᠨ (притяжание 3-го лица), например, ᠠᠨᠠᠨ ᠠᠨᠠᠨ ᠠᠨᠠᠨ 'на лбу его' (стр. 1), ᠠᠨᠠᠨ ᠠᠨᠠᠨ 'его конь' (стр. 22б.).

Эта же форма с диакритическим знаком слева ᠠᠨᠠᠨ (идеально ᠠᠨᠠᠨ ?) употребляется вместо: а) винительного падежа, например, ᠠᠨᠠᠨᠠᠨ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨ 'плешивого' (стр. 17а); б) родительного падежа, например, ᠠᠨᠠᠨ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨ 'дагини хана' (стр. 11б); в) винительного падежа плюс притяжание 3-го лица, например, ᠠᠨᠠᠨᠠᠨ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨ 'ее прелестную красоту' (стр. 12а), г) притяжания 3-го лица «в именительном падеже», т. е. ᠠᠨᠠᠨ вместо ᠠᠨᠠᠨ , например, ᠠᠨᠠᠨᠠᠨ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨ 'плешивый' (стр. 13б). Поэтому иногда лишь по контексту можно определить значение, например, какого-нибудь имени, данного с «частицей» ᠠᠨᠠᠨ (родительный падеж в позиции перед другим именем и винительный — перед переходным глаголом). Так, например, на стр. 11б нашей рукописи слово ᠠᠨᠠᠨᠠᠨ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨ безусловно дано в винительном падеже, хотя остается еще открытым вопрос о притяжании: 'его шкуру' или просто 'шкуру'. Это совпадение означенных падежей по форме не является случайным, оно очевидно, продиктовано закономерностями живой халха-монгольской речи (в особенности в форме подлежащего в развернутом члене предложения, называемого иногда придаточным подлежащим).¹

3. ᠠᠨᠠᠨ вместо классического ᠠᠨᠠᠨ ᠠᠨᠠᠨ (исходный падеж плюс безличное притяжание), например, ᠠᠨᠠᠨᠠᠨ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨ 'из своего кочевья' (стр. 20б), разговорно-халхаское *nutagāsā*.

4. ᠠᠨᠠᠨ ᠠᠨᠠᠨ вместо классического ᠠᠨᠠᠨ ᠠᠨᠠᠨ (дательный падеж плюс притяжание 3-го лица), например, ᠠᠨᠠᠨ ᠠᠨᠠᠨ 'позади его' (стр. 3а), см. выше пункт 1.

¹ Ср. Н. Н. Поппе, Практический учебник монгольского разговорного языка, Л., 1931, стр. 104; Г. Д. Санжеев, Синтаксис монгольских языков М., 1934, стр. 67—69.

5. ᠠᠨᠠᠨ или ᠠᠨᠠᠨ вместо ᠠᠨᠠᠨ ᠠᠨᠠᠨ или ᠠᠨᠠᠨ ᠠᠨᠠᠨ (дательный падеж плюс безличное притяжание), например, ᠠᠨᠠᠨ ᠠᠨᠠᠨ 'в своем лучшем' (стр. 4а), ᠠᠨᠠᠨ ᠠᠨᠠᠨ 'в своей руке' (стр. 6а), ᠠᠨᠠᠨᠠᠨ ᠠᠨᠠᠨ 'на своем лице' (стр. 7б).

6. ᠠᠨᠠᠨ ᠠᠨᠠᠨ вместо классического ᠠᠨᠠᠨ ᠠᠨᠠᠨ или ᠠᠨᠠᠨ ᠠᠨᠠᠨ (родительный падеж плюс безличное притяжание), например, ᠠᠨᠠᠨᠠᠨ ᠠᠨᠠᠨ 'своего седла' (стр. 5а), ᠠᠨᠠᠨᠠᠨ ᠠᠨᠠᠨ 'своего храма' (стр. 6).

7. ᠠᠨᠠᠨ ᠠᠨᠠᠨ вместо а) ᠠᠨᠠᠨ ᠠᠨᠠᠨ (родительный падеж плюс безличное притяжание), например, ᠠᠨᠠᠨ ᠠᠨᠠᠨ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨ 'после своего старшего брата' (стр. 7а), б) ᠠᠨᠠᠨ ᠠᠨᠠᠨ (винительный падеж плюс безличное притяжание), например, ᠠᠨᠠᠨᠠᠨ ᠠᠨᠠᠨ 'царицу свою' (стр. 20а), ᠠᠨᠠᠨᠠᠨ ᠠᠨᠠᠨ 'свои меховые чулки' (стр. 6а). И тут мы видим совпадение форм винительного и родительного падежей с безличным притяжением, что, впрочем, имело место и в классическом языке.

Далее обращают на себя внимание различные формы исходного падежа, так, на ряду с классической ᠠᠨᠠᠨ встречаются ᠠᠨᠠᠨ , ᠠᠨᠠᠨ и другие, например, ᠠᠨᠠᠨᠠᠨ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨ 'от травы' (стр. 9а), ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨ 'снизу' (стр. 8б), ᠠᠨᠠᠨᠠᠨ ᠠᠨᠠᠨ 'от лба' (стр. 17а). Появление формы на ᠠᠨᠠᠨ , т. е. ᠠᠨᠠᠨ и ᠠᠨᠠᠨ , объясняется тем, что в современных монгольских рукописях большое применение получает принцип написания по аналогии. А так как в большинстве случаев в живой речи конечный *s* „соответствует“ письменному классическому ᠠᠨᠠᠨ или ᠠᠨᠠᠨ (см. N. Poppe, Die Nominalstammbildungssuffixe im Mongolischen. «Keleti Szemle», v. XX, стр. 99 и 116), то и окончание исходного падежа в живой речи *as* воспринимается грамотеями как нечто такое, что соответствует письменному ᠠᠨᠠᠨ так же, как разговорный „*s*“ в таких, например, словах, как *xus* [ᠠᠨᠠᠨᠠᠨ] 'береза', *zagas* 'рыба' [ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨ], *us* [ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨ] 'вода' и т. д. Что же касается формы ᠠᠨᠠᠨ , то ее появление объясняется тем, что в живой речи при стечении двух долгих гласных между последними вставляется „буферный“ согласный „*g*“, например, *dalaigār* ← *dalai + g + ār* 'по морю', *pochoigōs* ← *pochoi + g + ōs* 'от собаки' и т. д.; отсюда в нашей рукописи мы и находим ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨ (*maṅgaigās* ~ *maṅglaiḡās*).

Вообще можно отметить, что в современных монгольских рукописях наблюдается стремление к унификации начертаний отдельных произносимых „единиц“. Сказать, что тут мы имеем только влияние живой речи и ее форм, это значит сказать еще не все, ибо стремление к унификации

приводит (правда, пока в очень редких случаях) иногда к большому отходу от форм живой речи, чем то мы имели в классическом языке. Так, например, в халха-монгольском разговорном языке в предметных именах выпадает конечный *л*, появляющийся однако в тех случаях, когда эти имена даются либо в родительном, исходном и дательном-местном падежах, либо употребляются в значении качественных имен, соответствующих русским прилагательным. Этот процесс, как показал это Н. Н. Поппе,¹ зашел настолько далеко, что можно говорить о тенденции к возникновению в монгольских языках категорий прилагательных и существительных имен вместо прежних предметных и качественных. Если от предметных имен начинают отпочковываться как существительные, так и прилагательные, то и от качественных образуются и прилагательные и существительные.² Соответственно изложенному появляются такие слова, как *šileṅ* 'стеклянный', *galan* 'огненный', *ūlan* 'горный' и т. д. Монголы „привыкли“ в склонениях придерживаться форм письменного языка, и вот по аналогии с ᠮᠠᠨᠠᠨᠠ || халх.-разг. *ūlanda* появляются такие начертания, как ᠮᠠᠨᠠᠨᠠ „ᠮᠠᠨᠠᠨᠠ“ вместо ᠮᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ || халх.-разг. *minganda*. Ясно, что в данном случае ᠮᠠᠨᠠᠨᠠ „ᠮᠠᠨᠠᠨᠠ“ есть отход от формы живой речи. Не редкость такое уже укоренившееся начертание, как ᠰᠤᠮᠤᠨᠢ вместо ᠰᠤᠮᠤᠨᠢᠨᠢ 'сомона', что тоже представляет собою несомненный отход от формы живой речи *sumunī*. Такие начертания нередко встречаются в монгольской периодической печати; мы не упоминаем о таких формах, как ᠴᠢᠮᠠᠨᠠᠨᠠ (вместо ᠴᠢᠮᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ) по аналогии с ᠴᠢᠮᠠᠨᠠᠨᠠ . Ссылаться здесь на „безграмотность“ отдельных авторов и наборщиков было бы неуместным, поскольку такая практика продиктована теми глубокими процессами сугубо революционного значения, какие происходят в недрах живой речи халха-монголов.

Что же касается остальных особенностей нашей рукописи, то они, повторяем, не новы для монголистики. Неправильные (с точки зрения классического письменного языка) начертания отдельных слов и форм, обусловленные особенностями живой халха-монгольской речи, в нашей рукописи таковы же, как и в обычных халха-монгольских рукописях, о чем довольно подробно писал уже Б. Я. Владимирцов.³

Язык же рукописи в целом чрезвычайно легкий и простой. Не встречаются в ней какие-либо особые диалектизмы в лексике; мы бы лишь хотели отметить, что слово ᠵᠢᠨᠢᠭᠠᠨᠠᠨᠠ [в рукописи иногда ошибочно ᠵᠢᠨᠢᠭᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ] употребляется в значении 'жениться'; этот глагол происходит от имени ᠵᠢᠨᠢᠭᠠᠨᠠᠨᠠ 'дворец, ставка' и образован „по аналогии“ с ᠵᠢᠨᠢᠭᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ

¹ См. Поппе, „Практический учебник...“, стр. 30—40.

² См. Г. Д. Санжеев, Синтаксис монгольских языков, стр. 62—63.

³ См. его же, „Монгольский сборник рассказов из Райсатантра“, стр. 453—466 и 499—510.

'жениться' (от ᠵᠢᠨᠢᠭᠠᠨᠠ 'юрта'), причем употребляется он лишь применительно к феодалам (в отношении простолюдинов — *gerlexe*).

Что же касается синтаксических и стилистических особенностей языка нашей рукописи, то они в общем таковы же, как и в халха-монгольских (восточных) улигерах, хотя несколько и упрощены (в отношении лексической стилистики).

Считаем необходимым сказать еще несколько слов об именах действующих лиц в „Хане Харангуй“. Полное имя героя — $\text{ᠬᠠᠷᠠᠩᠭᠤᠢ ᠶ᠋ᠢᠨ ᠮᠤᠵᠢᠶ᠋ᠢᠨ ᠬᠠᠨ}$, что значит 'Лучший из мужей хан Харангуй', в котором 'Лучший из мужей' является эпитетом героев монгольского эпоса вообще. Что такое „хан“, известно всем и не требует пояснений. „Харангуй“ значит 'темный, мрак, невежественный' и может означать еще 'младенческий, несообразующий, неразумный'. Известно, что существует у монголов обыкновение называть себя унижительными прозваниями, как, например, ᠶ᠋ᠢᠨᠨᠠᠨᠠᠨᠠ 'ничтожный', ᠶ᠋ᠢᠨᠨᠠᠨᠠᠨᠠ 'глупый, неразумный' и т. д.¹ Такое обыкновение происходило от формулы обращения вассала к своему сюзерену или низшего к высшему лицу вообще. Вспомним затем выражение, известное у всех монгольских народов: $\text{ᠶ᠋ᠢᠨᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠶ᠋ᠢᠨᠨᠠᠨᠠᠨᠠ}$ 'в темном младенчестве'. Очень возможно, что некогда слово „Харангуй“ означало также по противоположности 'светлый, светлейший'. Отца хана Харангуй зовут ᠶ᠋ᠢᠨᠨᠠᠨᠠᠨᠠ 'бесстрашный', а мать — ᠶ᠋ᠢᠨᠨᠠᠨᠠᠨᠠ 'величественная красавица' (титлуется ᠶ᠋ᠢᠨᠨᠠᠨᠠᠨᠠ „царицей“). Брата зовут ᠶ᠋ᠢᠨᠨᠠᠨᠠᠨᠠ 'румяный мэргэн'. Невест (а потом и жен) хана Харангуй и Уладай мэргэна зовут ᠶ᠋ᠢᠨᠨᠠᠨᠠᠨᠠ 'прекрасная дагини (волшебница), прекрасная (как зеркало' и ᠶ᠋ᠢᠨᠨᠠᠨᠠᠨᠠ 'действенная радуга'. Отца этих невест зовут ᠶ᠋ᠢᠨᠨᠠᠨᠠᠨᠠ [ᠶ᠋ᠢᠨᠨᠠᠨᠠᠨᠠ] 'хан белый и седой'; нужно заметить, что в монгольском эпосе старики вообще являются седыми и белыми, кроме того, белый цвет у монголов издавна является шаманским [и 'благородным'] цветом.² Далее идут следующие имена: ᠶ᠋ᠢᠨᠨᠠᠨᠠᠨᠠ с титулом ᠶ᠋ᠢᠨᠨᠠᠨᠠᠨᠠ 'сын неба (или небес) благородный Хара' (последнее слово значит 'черный'); ᠶ᠋ᠢᠨᠨᠠᠨᠠᠨᠠ буквально 'Солнце Месяц Заяц'; ᠶ᠋ᠢᠨᠨᠠᠨᠠᠨᠠ 'прочная радость' и т. д. Просматривая перечень имен персонажей монгольского эпоса вообще, приходится отметить, что буддийские имена как правило не встречаются,

¹ Ср. Б. Я. Владимирцов, Надписи на скалах халхаского Цокту-тайджи, ИАН, 1927, стр. 1264.

² См. Юань чао би ши, стр. 122.

в качестве имен берутся либо „свои“ монгольские слова, выражающие какое-либо качество [ᠮᠤᠫᠤᠮᠤ 'прекрасный' и т. д.] или титул [ᠮᠡᠷᠭᠠᠨ 'мэргэн' и т. д.], либо имена, проникшие в монгольский фольклор из иноземного (Аксагалдай — 'белая борода', тюркское *aq saçal*).

Вообще, как видно из изложенного, монгольский эпос старается в имени того или иного персонажа как бы дать краткую и сжатую его характеристику и определить дальнейшую деятельность данного героя. Так, например, хан Харангуй, Уладай мэргэн и Харгис Сайн Буйдэр дают своим детям следующие имена (см. стр. 49): „Всепобеждающий и совершеннейший хан Соно (Соно — 'овод')“, „Непобедимый вражьими силами и неуязвимый стрелю Харалдзан Бэтэгэ (т. е. 'Черноватый отросток') и „Одолевающий приходящих врагов и всеми непобедимый Боролдзон Бэтэгэ (т. е. 'сероватый отросток')“. Характерно, что имена новорожденным детям дает народ, собранный на радостное торжество под грохот барабанов.

II

ПЕРЕВОД ЭПИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ О ХАНЕ ХАРАНГУЙ

1. Давно это было: в последний период будды Дипанкары, в одно из первых прекрасных времен будды Шигемуни, Айхан тохой было его кочевьем, Алаг ула — его опорой; Молочное море было его кочевьем, гора Сумбер — его опорой; широкая равнина была его кочевьем, Хухэ ула — его опорой. Был у него прекрасный хан батюшка Митал угэй [Бесстрашный], была у него прекрасная матушка царица Тунхэ Гоа. Родился он [таким могучим, что мог] соразмеряться [своей силой с самой] Землею, [что мог] он состязаться с тэнгринэрами. С самого рождения своего не упустил он свою державу и религию; с самого появления своего не упустил он [в чужие руки] свои земли и воды. Когда ему было семь лет, [его имя уже] гремело, семь больших жилищ он переменил. На темени у него было благословение Дзонхавы, на челе — величие Махакалы, у горла — [величие] Хоншим-бодисатвы, на его двух плечах утвердилась сила двадцати одной дара-эхе, в груди у него утвердилась мощь тринадцати драконов, на поясице — сила царей драконов. 2а.¹ Это был, говорят, лучший из мужей хан Харангуй, неуязвимый для стрелков, непобедимый силачами и обретший в совершенстве мудрость мужей. По всему Алтаю бродят его сто тысяч темнопегих табунов, по всему Хангаю пасутся его двести тысяч темносоловых табунов. Для выездов на охоту он имел большого вороного коня; малого вороного коня имел он, чтоб ездить между айлами своими. А для выездов на лютого врага имел он темно-рыжего коня с широкими красивыми гривами, с красивым и пышным хвостом, с прелестной спинкой, как у зайца, с прелестной причесанной шейкой, с [убранным] красивым хвостом, с черными глазами, как у теленка, с красивым статным телом, с красивой грудью, с зубами из драгоценного нефрита, с губами [точно из] серебра, с копытами, [твердыми как] черный булат... Меж ребер [этого коня] не было промежутка, в задней части не было сустава. Длиною он был девяносто шагов, уши были в девять четвертей. [А посмотреть на него, так казалось, что] он покрыт признаками восьмидесяти верховых коней. 2б. Имел он черный кнут, сплетенный втрое из кожи трехлетнего быка, сплетенный вчетверо из кожи четырехлетнего быка. Были тридцать четыре подхвостника, двадцать четыре надгрудника, сорок четыре подпруги, витая серебряная узда, семь белых

¹ См. сноску на стр. 102.

потников и черное седло с белой лукой. Была золотая попона с привесками точно лиственный лес. Был большой сагадак черный с серебряными украшениями. Был у него лук из слоновой кости, украшенный пятидесятью перьями черного орла, посаженными без промежутка, снабженный тридцатью красными стрелами, облицованный рогами девяноста коз; для прочности был натянут лук жилами цариц, а для крепкости — жилами мужей; на кобылках лука были разрисованы козы и маралы, а на ручке были изображены барсы и медведи; силою же лук был [равен] тысяче слонов. Было у него красное копье с черенком в тридцать шагов; было у него девять черно-золотых мечей с серебряно-булатной спинкой и лезвием, как ледяной булат. 3а. Был у него шлем из чистого золота, облицованный драгоценным стеклом. Была у него пестрая кольчуга; имел он семьдесят мечей. Было у него три миллиона триста тысяч подданных... Зверей задней стороны убивал он позади же; зверей передней стороны убивал он впереди же [стреляя]; так забавлялся, говорят, он и утром и вечером; таким, говорят, был этот муж.

Однажды хан Харангуй сказал своему хану батюшке и своей матушке царице: „Как быть с голосом славного мужа, с гиком прибывшего [сюда]? — Как быть с грохотом оружия, с лязгом доставленного [сюда]? Как быть с копытами лошади, с фырканием прибывшего [сюда]? — Не окажусь ли я подавленным в пропасти? Не будет ли конь мой подавлен этим грохотом?“ Говорил ему тогда хан батюшка: „Глупый ты, мой негодный. [Ведь] это дело твое еще маленькое, еще жидка твоя кровь, еще тонка твоя кость. 3б. К чему тебе спешить к встрече с подобными врагами,“ — такие слова, говорят, сказал [хан батюшка своему сыну]. И пока [так хан батюшка] беспокоился, [хан Харангуй] сел на своего темнорыжего коня, на двух своих вороных коней сложил все свое оружие и направился в сторону восхода солнца. К краям своих кочевьев, в место, расположенное на расстоянии пятнадцати суток [езды], он прибыл и в местности, покрытой горами, водами и лесами, своим волшебством воздвигнул субурган из стекла, высящийся до небес. Убивал он из изюбрей самого жирного и из соболей самого черного.

Тем временем уже четвертый год сын небес Эрхим Хара, говорят, сватается к прекрасной дагине Толи Гоа, дочери хана Аги Бурал, живущего прямо к востоку [отсюда]. И приказала тем временем прекрасная дагине Толи Гоа своему седому пастуху верблюдов: „Иди, старик, я посылаю тебя к лучшему из мужей — к хану Харангуй, что живет там, где всходит солнце. 4а. Собери свою одежду и возвращайся через семь суток.“ Так сказав, заколола она семь волов, мясо их превратила в экстракт величиною в большой палец. Тогда старик поймал быстрю соловую верблюдицу, которую и ветру не догнать, и прибыл к прекрасной дагине. Сказала старику эта дагине: «Отсюда на расстоянии девяностодевяти-легней езды находится лучший из мужей хан Харангуй. Айхан тохой — его кочевье, Алаг ула — его опора, а широкая равнина — его кочевье, Хухэ

ула — его опора. Родился он [таким могучим, что мог] соразмеряться [своей силой с самой] Землей, [что мог] он состязаться с тэнгринэрами. Ты поезжай к нему, старик, и скажи: „Твою суженую девицу собирается взять себе сын небес Эрхим Хара. Потому ли муж должен робеть, что он славен? Потому ли дураковатый должен сидеть, что он глуп? Отчего же ты, будучи славным мужем, сидишь такой бестолковый?“ Так скажи ты ему. 4б. Славный муж может [тебя] убить. Ты скажи ему поосторожнее и хорошенько. Затем возвращайся, не показывая и соринки, как букашка, и пылинки, как оса» — [сказав слова такие, дагине] положила старику в его черный огнивец засушенное мясо величиною в большой палец. „Когда ты будешь голоден, то будешь откусывать понемногу; когда ты будешь испытывать жажду, то облизывай“ — сказала старику дагине и трижды это повторила [чтобы старик крепко запомнил ее наказ]. И отправила она старика, девяностодевятiletнее расстояние превратив в девяностодевятимесячное, а девяностодевятимесячное расстояние же в девяностодевятисуточное, соединила [она также] две [большую и малую] горы в одну.

Вслед за тем, старик поехал на быстрой соловой верблюдице, которую и ветру не догнать, колотя ее и правой и левой рукою. Прибыл он к краям кочевья Айхан тохой и очутился среди бесчисленных стад и табунов [хана Харангуй]. 5а. Закружилась его голова, и трое суток он блуждал, подавленный пылью [которую поднимали стада и табуны]. И кое-как, крича и свистя, выбрался старик на край. И когда забрался он на вершину Болдзотын Боро, то увидел, как на северо-западе загорался большой пожар. Захотел он посмотреть на этот пожар. И когда старик, мигом подъехав, посмотрел, то оказалось, что это не пожар, а сияние стеклянного дворца высящегося точно пожар до небес. Увидел он также перед дворцом пасущихся двух вороных коней и одного длинного и статного темнорыжего коня. Посмотрел он внимательно на темнорыжего коня с макушки до хвоста и с хвоста до самой его макушки. И увидел он, что это был красивый конь, в ребрах не имеющий промежутка, а в задней части — сустава. Посмотрел он на этого коня, обходя его трижды. Темнорыжий конь трижды позевывал и трижды испражнялся. Решив, что в этом дворце живет хан Харангуй, 5б. направил старик свою быстрю соловую верблюдицу в сторону своей езды, а сам повернулся держась за правую ляжку, и, своей правой рукой держась за заднюю луку своего седла, сказал: „Эй, ты хан Харангуй! Сын небес Эрхим Хара пятнадцатого числа второго месяца будущего года собирается жениться на прекрасной дагине Толи Гоа, дочери хана Аги Бурал, живущего отсюда на востоке, там, где всходит солнце. Хан Харангуй! Потому ли ты робеешь, что ты славный муж? Потому ли ты лежишь, что никудашный ты глупыш? Так ли ты позволишь постороннему человеку отобрать у тебя твою суженую? Отчего же ты, будучи славным мужем, ничего не соображаешь?“ С этими словами, говорят, старик исчез, не оставив [после себя] и соринки величиною с букашку и пылинки величиною с осу.

Хан Харангуй, лежавший в это время сонный, вскопчил испуганный ба. Держа в правой руке рубашку с золотыми пуговицами, стал он всматриваться во все четыре стороны, оглядываться по всем восьми направлениям. Нигде ничего не видно было совсем. Тогда вернулся он обратно [во дворец], и одел на ноги черные чулки, сшитые из шкур восьмидесяти изюбрей, — передки же чулков были заделаны из шейной шкуры семидесяти изюбрей. На голову одел он большую черную шапку, сшитую из ста соболиных шкур; на правое плечо накиннул он полушубок из дорогого шелка. Затем он бегом поднялся на макушку своего стеклянного дворца и стал одновременно всматриваться во все четыре стороны и по восьми направлениям. И увидел он вдали, где солнце всходит, как исчезает соринка величиною с букашку и пылинка величиною с осу. Хан Харангуй так изменился, что красное и мутное лицо могло навести страх на десятки тысяч людей, бб. что страшное лицо его могло испугать тысячи людей. Свою золотую косу забросил назад, свою серебряную косу забросил на плечи, свои черные кудри, красивые как павлиньи перья закинул за уши, прочитал свое заклятие на белых своих силках и их направил на макушку своего дворца: „Пусть исполнится то, что мною задумано“, — сказал он и, взяв свою витую серебряную узду с драгоценной отделкой, поймал своего темнорыжего коня, своих двух вороных лошадей также; затем прочистил он свое оружие, отряхнув пыль со своей кольчуги, приготовил двух своих лошадей, нагрузив их своим снаряжением. Потом возжег он белую благоуханную траву и сделал тринадцать воскурений.

Поехал он на своем статном темнорыжем коне, поскакал он точно сокол: заколебалась Алаг ула, задрожала золотая земля, заколебалась Хухэ ула, широкая земля задрожала, заволновалось Молочное море, заколебалась Сумбэр ула... Говорят, поехал он, держа путь на юг. 7а. Тем временем хан батюшка и мать царица говорили между собою: „Заколебалась Алаг-ула, задрожала золотая земля. Наверное наш старший сын поехал на какого-нибудь зловредного врага“. Затем сказали они младшему брату хана Харангуй — Уладай мэргэну: „Твой старший брат поехал на врага. Ты садись на сивого свирепого коня с белой шерстью на лбу, на нем ездит твой отец, и величиною он с гору. Поезжай затем вслед за своим старшим братом. Когда он будет останавливаться на ночлег, побереги его лошадь и место [ночлега] очисти от деревьев. А когда же он будет собираться в путь, приготовь ему лошадь, седло ему также оседлай. Чужая земля — [одно] название, своя земля — [что] кость“. И [когда хан батюшка] положил Уладай мэргэну в торока два кувшина молока, тогда поехал он (за своим старшим братом).

Вот поехал трехлетний Уладай мэргэн вслед за [ханом Харангуй] и, увидев издали своего старшего брата, крикнул ему: „Братец остановись“. Так крикнул он трижды, но хан Харангуй все едет, ничего не замечая. Закричал тогда Уладай мэргэн: „Не собаку я зову, а человека“. 7б. Ударил он своего коня с белой шерстью на лбу своим кнутом и, точно

синий холм, очутился перед ханом Харангуй. Хан Харангуй, как только увидел его, вытащил свое красное копье с 33 золотыми наконечниками и направил его в подмышку Уладай мэргэна: „Ну, что ты за молодец с огнем в глазах и с величием в лице? Как твое имя, где твое кочевье, откуда и куда ты едешь и чей ты сын?“ — так спросил его хан Харангуй. Ответил тогда Уладай мэргэн: „Имею я старшего брата по имени хан Харангуй. Это лучший из мужей; сын хана батюшки Митал угей и прекрасной царицы матушки Тунхэ Гоа. Айхан тохой его кочевье, Алаг ула — его опора. Родился он [таким могучим, что мог] соразмеряться (своей силой с самой) Землей, [что мог] он состязаться с тэнгринерами. Хан батюшка и царица матушка сказали мне, чтоб помогал я своему старшему брату. Положили они мне в торока два кувшина молока и отправили вслед за вами. Таковы дела“, — закончил Уладай мэргэн. 8а. Тогда хан Харангуй бросил на землю копье, которое он держал в руках, стянул [своего младшего брата] с его коня, обнюхал его щеки, обнял его в своих объятьях, лаская его русые [sic!] волосы. Увидели это их кони и тоже стали между собою [радостно] ржать.

Вытащил затем хан Харангуй из своего огнива прядь сахарного жасмина и накормил ею своего младшего брата. Затем сказал он: „Этот сивый конь величиною с гору, имеющий белую шерсть на лбу, служит моему хану батюшке в его походах на лютого врага“. И с этими словами снял он с коня узду и отпустил его на свободу, чтоб ускакал он домой.

Потом хан Харангуй посадил Уладай мэргэна на своего малого вороного коня и с громкими разговорами [поехал вместе с ним дальше]. Закурили они сине-лиственный табак, тонкий дымок потянулся [из трубок]; повели они между собою хорошие речи, заиграли на звучных, хороших белых флейтах, сочетая тринадцать мотивов. И поехали они пониже синего серебряного неба, повыше земли. 8б. Поехали, ускакали они так, что под ними не гнулся толстый стебелек, не нагибалась тонкая травка; ускакали они, не прерывая своего крика и не мигая своими глазами. Ехали долго, до тех пор, пока новорожденный ребенок не превратился в мужа, пока не отлетели привески железных стремян, пока время не истекло. Тем временем из под правого стремени хана Харангуй и из под левого стремени Уладай мэргэна выскочил пятнадцатиголовый сморщенный черный мангус. И пока старший брат смотрел за младшим, а младший — за старшим [этот мангус] проглотил Уладай мэргэна вместе с его конем и исчез в Дзамбутиб [Индию].

Говорил тогда хан Харангуй своему коню: „Ну, темнорыжий ты конь, если ты не догонишь мангуса, то убью тебя, отсекая все твои четыре копыта [лапы]. Если тебя обгонят и если я не сумею тебя убить, то я отрежу себе пальцы и убью себя.“ [С этими словами] хан Харангуй так стянул поводья справа, что [удила] дошли до коренных зубов, так ударил коня по его стегну, что кнут врезался до костного мозга. 9а. И когда они дважды объехали Дзамбутиб и объезжали его в третий раз,

темнорыжий конь хана Харангуй свою косую серебряную пасть положил на редкие гривы черного мангусова коня. Хан Харангуй, сидя на своем коне, выдернул пятнадцать голов мангуса, разрезал своим черным мечом живот мангуса и вытащил оттуда своего младшего брата — Уладай мэргэна. Из живота мангуса вышли люди целыми аилами [селениями], люди десяти языков с навьюченными верблюдами. Эти люди пришли к хану Харангуй и сказали: „Из какой страны ты святой [избавитель], спасший наши души нашу жизнь? Пусть согласно [помыслам] религии совершатся все твои задуманные дела и начинания“. С этими словами, все избавленные люди разошлись по своим странам и домам. Спросил хан Харангуй: „Ну, мой Уладай мэргэн, испугался ты или нет?“ Ответил ему Уладай мэргэн: „Чего мне бояться, коли есть мой старший брат да темнорыжий конь!“ Превратили братья в пепел кости мангуса [и поехали дальше].

Едут они повыше стебельковой травки, пониже облачного неба, мчатся они точно бдительные волки, скачут они пока меняются [выходят] луна и солнце, долго-долго скачут, говорят. 96. Скачут быстро, пуская коней вскачь по равнинам и летая над лесами. Расстояние 99 лет покрывают в 99 месяцев, расстояние 99 месяцев покрывают в 99 суток. Так достигли они быстро границ великого владения хана Аги Бурал.

Изменили они свой облик и превратились в двух грязных и плешивых парней; трех своих коней превратили в трех шелудивых жеребят; и в облике двух плешивых и грязных парней с тростниковыми и ковыльными луками пошли они дальше, шлепая [по грязи] и волоча свои ноги. Вскоре встретился с ними седой старик, пасший 10 тысяч белых верблюдов, и спросил их: „Откуда вы идете, молодые, с величием в лице и огнем в глазах, такие невзрачные собою и с дождевой накидкой (на плечах)? Где ваши кочевья, кто ваш владетельный повелитель, откуда и куда вы держите свой путь, чьи вы дети?“ 10а. Отвечают старику плешивые: „Мы вдвоем потеряли трех верблюдов, с тех пор прошло уже триста девяносто лет, и все еще не можем их найти. Мы прибыли сюда, думая, что, может быть, наши верблюды забрались сюда“. Сказал им тогда старик: „Эх, вы, мои глупые, как могут верблюды верхнего мира забраться в этот нижний мир? Какие же это были верблюды, я буду их примечать?“ Сказали тогда плешивые: „Один из них — черный самец с проткнутым носом, вместе с ним — трехлетняя черная верблюдица, необъезженная и с не проткнутым носом; третий же — черный холощенный верблюд с задерганным [удилами] носом“. Сказал тогда старик: „Юрта, что там виднеется, наша. Вы, мои дети, приезжие люди. Вы идите туда и выпейте чаю, а я приду, собрав своих верблюдов“. С этими словами старик отправился к верблюдам.

Двое плешивых отправились к юрте старика и, зайдя в нее, сказали старухе: „Мы пришли к вам пить чай по приглашению вашего старика“. Когда старуха налила им чай в разбитой чашке, в которую наливают воду при расчесывании волос, старший плешивый сразу же бросил чашку

к двери. 10б. Затем старший плешивый разбил сундук [старухи] и достал из него большую разукрашенную фарфоровую чашку, бывшую у семидесяти людей. Затем развязал сосуд, в котором был кумыс, налил оттуда для себя кумыс пятнадцать раз, столько же налил он и младшему брату. [Таким образом] выпили они весь кумыс и убрали чашки. Тогда старуха сказала им: „Это чашка не для подобных вам грязных плешивых. Это чашка для нашего хана, чтобы пить ему кумыс во время выездов на охоту“. Говорили ей тогда плешивые: „Разве ханские уста не такие же, как у простолюдина!“

Тем временем, когда заалело вечернее солнце, пришел старик, пригнав со свистом свои десять тысяч белых верблюдов, которых он загнал туда, где они обычно лежали. Зайдя в свою юрту, старик спросил: „Налила ли ты этим парням чай?“ Затем сказал старик: „Ну, дети мои, теперь уже стало поздно. Будете ли вы здесь ночевать или поедете дальше?“ Старший плешивый сказал: „Нам незачем спешить, а так как теперь уже стало поздно, то заночуем; мы не знаем ни дороги, ни людей. Поедем завтра“. 11а. Старик тогда сказал: „Коли так, то у меня ни овцы, ни барашка, чтоб заколоть [для вас на ужин]. Но в верблюжьем стаде есть одна быстрая соловая верблюдица, которая ростом выше семидесяти верблюдов и перескакивает через семьдесят верблюдов, уже восемь лет ходит она яловой. Целых три года мы не можем ее поймать для того, чтоб подать нашему седому хану во время его выездов на облавную охоту. Если вы сможете, если вы способные мужи, то поймайте ее и заколите себе на ужин и ночлег. Если уже не сможете, то ночуйте здесь голодными, такова будет ваша доля“. Младший плешивый попросил старика показать ему эту верблюдицу и, когда старик показал ему во дворе эту верблюдицу, взял в руки большой черный камень, выдернув его из земли около юрты, предварительно засучив свои подолы. Затем он ударил камнем [между грудью и задом] эту верблюдицу, которую показал ему старик и которая, вставши выше семидесяти верблюдов, собралась было перепрыгнуть через них. Убивши верблюдицу, он мигом содрал с нее шкуру. 11б. Затем держа в одной руке эту шкуру, а в другой — мясо, зашел в юрту, где приказал быстро налить в котел воду, после чего в этом же котле сварил все мясо верблюдицы. А пока варилось это мясо, младший плешивый успел уже так приготовить [размять] шкуру, что тут же сделал из нее ремни и передал (хозяевам). Затем этот плешивый разделил мясо всем; мякоть — же из груди и задней части отдал старику и старухе а все остальное положил в миски и съел вместе со своим старшим братом. Большие кости побросали они через свои пасти, а мелкие — через нос и рот; после этого они передали хозяевам пустые миски и выпили весь суп.

Когда стало поздно, они расположили своих трех шелудивых жеребчиков есть траву и улеглись спать. Ночью спрашивает у старика старший плешивый, лежа [в постели]: „В чем чары и могущество вашей ханской

дагини — царевны, в чем чары и талант мужа и вашего [царского] зятя?“
Отвечал ему тогда старик: „Наша дагини может устранить бедствие двенадцати прошедших лет и наперед уничтожить бедствия будущих двенадцати лет. Она может вырастить плоды на засохшем дереве и достать воду на засохшем месте. 12а. Она воскрешает умершего, обогащает обедневшего человека. Таково ее могущество. Она так прелестна, что когда она спит, повернувшись лицом назад, то люди задней [северо-западной] стороны от ее блеска поднимаются [с постели], открывают дымоход юрты, выносят [ночной] пепел и доят коров, думая, что с утренним рассветом взошло солнце. Она так прелестна, что когда она спит, повернувшись лицом вперед, то люди передней стороны поднимаются [с постели], открывают дымоход своей юрты и доят своих коров, думая, что настала утренняя заря. Такова наша дагини с таким красивым и лучезарным лицом, блеск от которого проникает сквозь юрты, сияние от которого проходит сквозь войлочные обшивки. Что же касается могущества сына небес Эрхим Хара, то я хорошо не знаю. На вид как будто бы лучший и красивый муж“, — так старик, говорят, сказал. „Рад тому, что ты так складно рассказал о сем прекрасном могуществе своей дагини“, — сказал старший плешивый и подарил в награду старику свои десять золотистых шелковых платков.

Вот ночью спят. Вдруг стало светло. Двое плешивых, думая, что настала заря, поднялись [с постели]. 12б. Когда они собрались ловить лошадей, старик, говорят, сказал: „Ну, дети мои, ведь на самом деле не заря настала. Когда наша дагини поворачивается во сне в нашу сторону, то такой бывает блеск от нее. Спите спокойно и, когда выспитесь, поедете потом“. Сказали тогда плешивые: „Что ты за странный старик, не разбирающийся в утреннем рассвете; ведь ты столько жил, что волосы твои давно поседели“. С этими словами, не обращая внимания на стариковы слова, они накинули свои серые накидки и поехали дальше. Тем временем вновь стало темно, тогда вспомнили плешивые о чудесном могуществе дагини и вновь легли спать в степи, где не было никого.

Когда настала заря, а желтое солнце утра [поднялось уже], поехали плешивые дальше и поднялись на гору, которая находилась перед дворцом хана Аги Бурал. Хан Харангуй говорил своему младшему брату, Улудай мэргэну, всматриваясь в даль: „Виднеется с великим блеском восемьдесят восемь золотых субурганов-строений посреди трехрядной горы, над вершиной которой тянется туман с земли, а по хребтам — расположены вечные снега. [Их блеск] затмевает сияние солнца. Среди них виднеется один храм из драгоценного стекла, в котором установлена (статуя) будды Шигемуни, установлены золотые изображения ганджура и данджура. 13а. К югу от этого храма находится белый длинный дворец без стенных обручных веревок. На северной же стороне расположен дворец, построенный из шкур черных соболей и покрытый дорогим шелковым покрывалом. На южной стороне устроен пруд, в котором собраны утки и гуси. Вот

это большое величавое строение, окруженное прочными и длинными стенами, где павлины поют, где колышется синий лес, где поет соловей. Вот уж истина, а не ложь, что это хан-владелец целого мира света“. С этими словами закурили они сине-лиственный табак, пустили тонкий синий дымок и, говорят, любовались они там.

Вот пошли они шлепая ногами, к дворцу и увидели там, как Аргаи Бухэ и Шаргаи Бухэ очищали место для игр и забав. Когда эти плешивые, собрав в подолы своих халатов песок и прах земли, разбрасывали, забавляясь, в выровненном месте прах-песок, Аргаи Бухэ и Шаргаи Бухэ сказали им: „Эй, мои дети, не сорите на выровненной площадке; здесь будет место для игр и забав нашего хана“. 13б. Так трижды они сказали плешивым и умоляли их не сорить, тем не менее плешивые продолжали поднимать пыль. Тогда Аргаи Бухэ, весьма рассердившись, выдернул с корнем большое растущее дерево и приблизился к плешивым. И, поднявшись, ударил старшего плешивого по самой шее. Дерево же [которым ударили плешивого] разломалось, обломки его составили двадцать вязанок дров. У Аргаи Бухэ заломило в ребрах, берцовая кость его лопнула [от потуги]. „Ах, мерзкий“, — воскликнул Аргаи Бухэ, затем взял он золотой костыль, слева оперся на серебряный костыль и, отправившись к хану, доложил ему обо всем случившемся. Аги Бурал тогда послал своего пажу: „Иди и приведи сюда грязного плешивца“. Когда привели к нему плешивого, спросил он: „Ну, грязный плешивец. 13а. Почему ты испортил то место, приготовленное для игр и забав, хотя это запрещал тебе Аргаи Бухэ“, — такой, говорят, издал хан указ. Сказал тогда плешивый: „Что за Аргаи Бухэ? что за выровненное место? Ничего я не понимаю“. Сказал хан: „Говорят, что когда ты, нарушая запрет, сорил там, то Аргаи Бухэ, выведенный из терпения, ударил тебя большим деревом. Ты и это также не знаешь?“ Сказал тогда плешивый: „Не очень-то хорошо помню. Но, как будто бы, у меня на шее чуть-чуть что-то почувствовалось. Больше ничего не знаю“. Приказал тогда хан силачу Шаргаи Бухэ: „Уведи этого [плешивого] поскорее“. Шаргаи Бухэ взял старшего плешивого за его правый пояс и вывел вон, тогда плешивый сказал: „В ограде у вашего седого хана кажется много дворовых собак“. Затем, немного повозившись, содрал с дворового его грудь и зад и бросил, говорят, его собакам.

После этого Бурал хан собрал свой великий народ, 14б. ударив в большой барабан; собрал также и малый свой народ, ударив в малый барабан, и всем мудрецам-вельможам, министрам и прочим чинам подробно доложил хан обо всем том, что сделали плешивые. Когда спросили: „Кто будет казнить их?“ — то сайты, прибывшие с запада и востока, доложили, говорят: „Кто же может сделать это, кроме небесного Наран Саран Тулая!“ Тогда, посоветовавшись между собою, отправили к Наран Саран Тулаю сто человек посланцев. Посланцы прибыли к Наран Саран Тулаю и сказали: „Есть у нашего хана двое очень вредных плешивых. Нас послали

просить тебя, чтобы ты их уничтожил.“ Тогда ответил посланцам Наран Саран Тулай. „Нет я не пойду. Кто победил когда-то десять лучших мужей из десяти [разных] стран и сто лучших мужей из ста [разных] стран, тех мужей, которые развалили твои [ханские] горы, засушили твои воды и разорили твой народ? Между тем уже три года, как меня за это не вознаградили!“ 15а. С этими словами он отказался итти. Посланцы отправились обратно и доложили Бурал хану: „Силач Наран Саран Тулай не пришел сюда, говоря: „Кто победил когда-то десять лучших мужей из десяти [разных] стран и сто лучших мужей из ста [разных] стран, тех мужей, которые развалили твои горы, засушили твои воды и разорили твой народ? Между тем уже три года, как меня за это не вознаграждают“.

Снова отправили сто посланцев с поручением всяческими способами доставить силача, которому вместе с посланцами послали сто бурдюков вина, сто кусков длинных белых хадаков. Посланцы прибыли к силачу и стали его всячески просить, чтоб [помог он их хану]. Сказал тогда силач, „Может быть со временем и будет какое дело итти [к хану]. Ведь я, кажется: сказал [разве я не сказал], что не пойду“. С этими словами он отказался итти наотрез. Тогда сказала его жена Наран Гэгэн: „Во-первых, это — хан, владетель целого мира. Во-вторых, это — твой тесть и батюшка. Если пойдешь, то скажи, что пойдешь; если же не пойдешь, то к чему тебе особенно многословить.“ 15б. Тогда сказал силач: „Пожалуй пойду“. Взял хадаки и выпил вина [присланные ему ханом]. Сел на свою тысячу одноколок и поехал. Двинулся он, говорят, стреляя из ста орудий, пуская тысячу стрел, в одну сторону крюча одной тысячею багоров, в другую сторону размахивая одной тысячею сабель, рубя одной тысячею мечей и толкая одной тысячею пик. Прибыл Наран Саран Сулай ко дворцу Бурал хана и сказал: „Ну, Бурал хан! Кто победил десять лучших мужей из десяти [разных] стран, сто лучших мужей из ста [разных] стран, тех мужей, которые развалили твои горы, засушили твои воды и разорили твой народ? Кто восстановил твою державу и благословенную религию? Не я ли победил всех твоих врагов, питаюсь своей черной плотью и выпивая свою кровь? За [все эти] свои заслуги [вот уже] три года я ничем не вознагражден“. От ярости своей великой на свою тысячу одноколок сел он [так, что они] разломались.

16а. Сказал тогда старший плешивый: „Если ты разломал свои одноколки, сев на них [в гневе], то я могу так сесть на черную землю, что она даст углубление [[буквально: разрушится]“. С этими словами старший плешивый так уселся на землю, что получилось углубление величиною в колено, и когда он подошел к Наран Саран Тулаю, они схватились друг с другом и стали кидаться туда-сюда. Тогда Наран Саран Тулай понял, с каким плешивым он имеет дело, отпустил первую схватку [т. е. сделал в борьбе перерыв], решив одеть свои одеяния для борьбы. Одед он на себя куртку из шкуры верблюда и штаны из шкуры изюбря. Затем попятился на расстояние одного дня [езды] и понатужился, с рас-

стояния полдня [езды] расправил свои члены. И схватились они [вновь], не отдыхая в течение дней и не прерывая в течение двадцати суток. На расстоянии десяти суток [езды] они развалили, борясь, все горы, разлили все воды [рек и озер]. Тем временем силач Наран Саран Тулай выставил свои железные ногти в несколько четвертей и свои костяные ногти в несколько четвертей и вонзил их в спину [заднюю кожу] старшего плешивого до самых коленных жил, вонзил их также по передней коже до самых колен; 16б. ранил он [плешивому] лопатки, раздвинул низкие ребра и, волоча его по твердой скале и [колючим] шипам кустарника, кинул [плешивого], задевая Алтай, через Хангай. Сел он затем на белую широкую грудь плешивого, придавив его к земле, и сказал: „Если есть что сказать, говори свое последнее слово!“ Отвечал, говорят, тогда плешивый: „Я не таков, чтобы говорить свое последнее слово перед таким человеком, как ты“. Вынул тогда Наран Саран Тулай свой черный меч и попытался кончить черную душу [плешивого], но не смог. Разложил он тогда на плешивого свою постель и лег, говорят, [спать]. Уладай мэргэн пошел тогда со своим длинным красным копьем, метя в алую подмышку Наран Саран Тулая. Сказал тогда старший плешивый: — „Остановись, братец мой, ведь будут говорить, что двое братьев, сговорившись, вместе убили одного никудышного человека: плохая будет слава о нас. Ведь твой старший брат еще не совсем разгорячился, а когда же он разгорячится, то такой человек [как этот силач] нигде не устоит [против меня]. Братец мой, отойди в сторону и смотри“. 17а. Сказав эти слова, он немного полежал, после чего его спинные позвонки [широкие как ящик] расширились и стали большими, как хангайская сопка; его четыре конечности так увеличились, что стали похожи на четыре большие горы; со лба его потекли капли пота величиною с трехлетнего бычка. И, обругав силача: „Эх, ты негодный!“ — перебросил его через Алтай, волоча по Хангаю; затем уперся своими черными [голыми] коленями в черную [голую] широкую грудь силача и сказал: „Итак, негодный силач небес, если есть у тебя что сказать, то говори свое последнее слово“. Сказал тогда силач: „Есть у меня шесть хороших заветных желаний.“ „Ну, говори по порядку свои желания“, — сказал тогда плешивый.

Отвечал тогда силач: „Одно мое хорошее заветное сожаление — это то, что последовал за Бурал ханом [и стал ему служить]. [Еще] одно мое хорошее заветное сожаление — это то, что я сказал о тебе, плешивом, что могу тебя побороть. [Еще] одно мое хорошее заветное сожаление — это то, что я оказался побежденным тобою, плешивым, хотя и одолел в свое время] десять лучших мужей из десяти [разных] стран и сто лучших мужей из ста [разных] стран. 17б. [Еще] одно мое хорошее заветное сожаление — это то, что я хотел дожить, но не доживу до того, как мой единственный сын [станет взрослым настолько, что] его рука дойдет до тороков седла, а ноги его — до стремян. [Еще] одно мое хорошее заветное сожаление — это то, что мне до конца своих дней не удалось встретиться со славным мужем

ханом Харангуй, лучшим из мужей, живущим отсюда в сторону восхода солнца. [Об этом] думал я [давно]. [Еще] одно мое хорошее заветное сожаление — это то, что я когда-то дал клятву покончить с собою [убить черную свою душу, умертвив свое тело], если буду побежден силачом и взят стрелком. Таковы мои шесть хороших и заветных сожалений; больше мне нечего сказать, больше мне не о чем сожалеть. Покончи со мною поскорее". Так, говорят, сказал силач. „Хан Харангуй, это — я. [Ведь] я не буду есть твое черное мясо, не буду пить твою кровь. Сделаемся мы кровными братьями и, наши жизнь-душу соединив, будем мы втроем братьями. Как тебе думается?" — спросил [в заключение] хан Харангуй. 18а. „Для мужа это все равно. То, что ты говоришь, справедливо. Однако, во первых, есть препятствие в том [трудно], что я дал клятву убить себя, если буду кем-либо побежден. Во-вторых, муж, родившись, в юрте, должен умереть в поле. [Прошу тебя] воспитать моего единственного сына как своего". С этими словами Наран Саран Тулай поднял свой черный стальной меч, чтобы покончить со своей черной жизнью.

Хан Харангуй со своим младшим братом собрал большие деревья, воздвигнул большой [темный] костер, на котором сожгли до тла остатки [кости и воду] силача так, что не осталось и косточки, чтоб рычать быку, и кала, чтоб обнюхивать лисице. Растоптали затем пепел и закурили сине-лиственный табак, пуская тоненький синий дымок. Скрежеща своими белыми зубами, большими как лопата, забрасывая назад свои красивые золотые косы, закидывая на плечи свои красивые серебристые косы, приняв свой обычный облик, пошли они [оттуда]. 18б. С лицом красным как сырое мясо, подавляющим величие десятков тысяч людей, с лицом красным как шелк, подавляющим величие несколько тысяч людей, с шумом и грохотом тысяч людей, направились они ко дворцу хана Аги Бурал.

Сказала прекрасная дагини Толи Гоа: „Где-то позади раздается ржание коня. Милая моя Уйлэн Солонго, сходи-ка, посмотри". Уйлэн Солонго вышла и, осмотревшись, вернулась [во дворец] со следующими словами: „Прямо с восточной стороны как будто бы идет сюда Хиргис Сайн Буйдэр с холодным синим сердцем и пестрым конем, а ведет он с собою триста ратников. А с западной стороны как будто бы идет сюда черный витязь Хатан Цэнгаль, а ведет он с собою тридцать витязей [богатырей] и триста ратников. А прямо с северо-западной стороны как будто бы идет сюда девяностопятиголовый Эрту Мангус, а ведет он с собою своего младшего брата Хабшин Хара Бургэд, мигом сразу пускающего по семидесяти-восемидесяти стрел". 19а. Тогда прекрасная дагини Толи Гоа продырявила своими пальцами свой дворец из черных собольих шкур и посмотрела [сквозь продырявленную щель], а затем обругала Уйлэн Солонго: „Что же ты не можешь разобрать двух людей, идущих сюда с тремя конями, а несешь что-то непутное!"

Тем временем хан Харангуй со своим младшим братом остановился у дворца из черно-соболиных шкур, к золотой осине привязал своих

коней, свои большие сайдаки положил на черно-соболиный дворец и вошел во дворец. Уселся он там на правую сторону золотого трона о восьми ножках так, что трон затрещал. Прекрасная дагини Толи Гоа приветствовала хана Харангуй, а Уйлэн Солонго — Уладай мэргэна.

Уладай мэргэн приветствовал Уйлэн Солонго, хан Харангуй подсел к прекрасной дагини Толи Гоа, с ее правой стороны [оперся], заговорил с нею точно барс, с лицом радостным и румяным, золотую свою прекрасную косу закинул назад, серебристую свою прекрасную косу закинул на плечи и стал кушать там.

19б. Прекрасная дагини Толи Гоа спросила, говорят: „Откуда вы, хан Харангуй, и куда держите свой путь?" Отвечал тогда хан Харангуй: „Я прибыл сюда, чтобы быть другом-спутником для тебя, неразумной, и завладеть суровой страной; [я прибыл сюда] из страны, откуда надо ехать девяносто девять лет". Сказала тогда прекрасная дагини Толи Гоа: „С верхней небесной нашей стороны прибыл сюда сын небес Эрхим Хара. Привез он с собою вина и яства, нагруженные на сто белых верблюдов. Привез он с собою тридцать черных беркутов, тридцать также черных своих евнухов и сто восемь своих пажей. Остановился он на восточной стороне Бурал хана, навалил он в белом дворце Бурал хана несметное количество мяса, чая и вина. Хан Харангуй, не пойдете ли вы к нему?" Ответил тогда хан Харангуй: „Ведь это же — игра детей, лежащих в колыбели, лай собачьей суки, а не пир, не стоило бы итти на такой [ничтожный пир]". С этими словами отправился он туда с не особенной охотой.

Пошел хан Харангуй к тому белому дворцу, большое сияние четырех дверей которого он затмил, и сел он там пониже Бурал хана и повыше Эрхим Хара. 20а. Хан посмотрел тогда на свою царицу, а царица — на своего хана, и все люди, там сидевшие, от изумления совсем замолкли, говорят. Сказал тогда хан Харангуй: „Что это за мясо и вина привезли? Это же ведь лишь для маленьких-премаленьких младенцев да суки. Уладай мэргэн, сходи-ка и принеси еду, чтобы можно было кушать людям." Тогда Уладай мэргэн принес в одной своей руке вина, а в другой — мяса. Хан Харангуй налил вина в пестрые фарфоровые чаши, большие как море, которое еле пройти и семидесяти людям; подал затем [вина] хану и царице пятнадцать раз, другие пятнадцать [чаш] подал своему младшему брату. Сделался он прекрасным, румяно-рыжим; лицо его сделалось мутно-красным, устрашающим величие многих десятков тысяч людей; облик стал его грозным, устрашающим величие нескольких тысяч людей. Тогда паж Эрхим Хара [по имени] Тэмэчин Хара Нидун [верблюдовод] продвинулся и, говорят, сказал: „Эй, хан Харангуй. 20б. Откуда и куда вы направляетесь?" Отвечал тогда хан Харангуй: „Говорили, что когда-то давно в прежнее время мой хан батюшка Митал угэй и матушка моя царица поставили [оставили] свой желтый клей величиною с лодыжку и длинный белый хадак. Я прибыл теперь сюда получить за это [что-либо] в ответ из своего кочевья Айхан тохой!" Так, говорят, он сказал. Хан соизволил

тогда сказать: „Я как будто бы это позабыл, но, может быть, знают об этом моя царица и дети!“ Затем добавил: „Ну, мои дети, не стоит вам тут между собою кушать мясо и кровь. Кто из вас выйдет победителем в трех состязаниях мужей, тот пусть берет мою дочь. Если нет, то останется и так. А ты, сын небес Эрхим Хара, скажи: с какого расстояния пускать лошадей? с какого места [вам] стреляться из лука? В каком месте [вам] бороться?“

Отвечал тогда Эрхим Хара: „Пустим мы коней с девятимесячного расстояния, с девятимесячного расстояния будем мы стреляться, будем мы бороться у ханского дворца!“ Сказал тогда хан Харангуй: „Ведь это же детская игра, лай собачьей суки! 21а. Надо пустить лошадей с расстояния девяноста девяти месяцев, поскачем до Айхан тохой и пустим их до сих пор. Стреляться из лука будем также с расстояния девяноста девяти месяцев. На самом краю мы поставим белый камень величиною с овцу; подалее мы поставим черный камень величиною с быка; еще подалее мы поставим пятьдесят телег дров; еще подалее воткнем [в землю] надбедренную кость быка; еще далее водрузим стебельковую белую травку; еще далее водрузим золотую иглу; соорудим еще скалу. Вот нужно будет насквозь прострелить эту скалу так, чтобы можно было проехать через нее на одноколке; и пусть стрела, пройдя через скалу, приведет в смятение половину подданных хана и сделает там пожар. Стрелять мы будем здесь!“ Сказал тогда Эрхим Хара: „Коли так, пусть будет и так!“ Затем они установили место, откуда стрелять из лука. 21б. Эрхим Хара натянул свой древний пестрый лук и прицелился своей драгоценной стрелой. Начал он натягивать свой лук утром, когда взошло желтое солнце, и кончил натягивать вечером, когда солнце заалело; пустил он стрелу так, что с наконечника вспыхнул огонек, а с тетивника — дымок. Стрела полетела и засела среди дров пятидесяти телег, выдернув белый камень величиною с овцу и черный камень величиною с быка. Сказал тогда хан Харангуй: „Теперь моя очередь стрелять!“ С этими словами он прицелился своей мощной стрелой с тетивником величиною с горную покатость, натянув свой белый лук [из слоновой кости] мощностью в тысячу сил; нацеливался он с самого раннего утра, когда поднялось солнце высоко, до вечернего красного солнца; так пустил он свою стрелку, что с ее железа загорелся огонек, с тетивника — дымок. Полетела стрела так, что она выдернула белый камень величиною с овцу и черный камень величиною с быка, пробилась сквозь дрова на пятидесяти телегах, прошла через дырочку надбедренной кости [расширив ее], сняла белую стебельковую травку и пробилась через золотую иглу. 22а. Сделала стрела, летя так, большую дорогу, по которой могли пройти люди целыми айлами и навьюченные верблюды. Далее стрела устроила черный [с черным облаком дыма] пожар и прилетела в ханские кочевья, где произвела опустошения половине всех подданных хана и большой пожар с черным облаком дыма. Тогда Уладай мэргэн взял волшебный камень за пазуху, сел на темно-

рыжего коня и поехал вслед за стрелою; там кое-как погасив пожар, с большим трудом при помощи своего золотого аркана удержал он стрелу и вернулся обратно, говорят. Провозгласил тогда хан Харангуй: „Первая победа [ставка] за мною!“ Сказал тогда Эрхим Хара: „Верно, что первая победа за тобою. Вы немножко меня здесь подождите, я схожу за своим конем!“

Отправился Эрхим Хара в сторону верхнего неба и привел оттуда от тридцати трех тэнгриев шесть коней: 22б. Первый конь слово-красночалою масти, с ртом как у льва. Затем две кобылицы слово-белой масти с рыжими ногами и медной мордочкой. Также желто-пестрого коня, которого и ветру не обогнать. И еще быстрого пестрого коня, не обгоняемого и вихрем. [Привел он также] и выездную лошадь, [быструю] как тысяча ветров. Тогда прекрасная дагини Толи Гоа дала хану Харангуй своего выездного красночалою коня с крепкими поводьями, говоря, что у него мало коней. „хан Харангуй пусти моего коня!“ Когда она так сказала, прибежал темнорыжий конь [хана Харангуй], раскрыв свой рот, широкий как ущелье, и топая своими булатными копытами, сказал: „хан Харангуй! Ты меня ли непустишь, или кого? Если не меня, то скажи, и я [тогда] умчусь к кочевьям Айхан тохой, к горе Алаг ула, к кочевьям широкой равнины, к своей синей горе, к кочевьям Молочного моря и к горе Сумбэр ула. Я пойду и присоединюсь к своим пегим стадам и табунам, что заполнили собою весь Алтай, и к своим черным стадам и табунам, заполнившим собою весь Хангай!“ Когда темнорыжий конь так сказал, хан Харангуй сказал [ему в ответ]: „Стоит ли пускать тебя в состязании, [представляющем собою] игру младенцев и лай суки? 23а. Только я решил пустить большого вороного коня да красночалою с крепкими поводьями [а не потому, что пренебрег тобою]!“ Отвечал тогда темнорыжий конь: „Так зачем же ты приехал на мне из столь далекой земли на эту забаву младенцев и лай суки? Ну, если ты [потому] пускаешь завтра вороного коня, то я остаюсь!“ [Сказал хан Харангуй]: „Коли так, то пустим тех коней“. Стал хан Харангуй заранее готовить коней к скачкам, натягивая подпруги и ремни, а затем сказал, хорошенько трижды повторяя, Уладай мэргэну: „Когда ты поскачешь отсюда к твоим кочевьям в Айхан тохой ипустишь сюда обратно лошадей, хорошенько их выстроив, то в этот миг не оглядывайся назад!“ Затем, соединив своих коней с конями Эрхим Хара, отправил их [с таким криком], что голос его гремел то по земле, то по небесам. 23б. Вот помчались кони двух сторон [противников], отдыхая по ночам на стоянках и скача днем. Вот примчались они к границам кочевья Айхан тохой: первыми примчались небесный конь слово-красночалою масти с львиной пастью и темнорыжий конь, примчались они, соединив свои удила [бок о бок, т. е. одновременно]; за ними примчались, соединив свои удила, две кобылицы слово-белой масти; третьими примчались, соединив свои удила, большой вороной конь да красночалою с крепкими поводьями; что же касается остальных лошадей,

быстрых как тысяча ветров, то они, говорят, частью устали, измучившись, частью прибыли захудалые.

Отдохнули они немного и, хорошенько выстроившись, приготовились вновь к бегу. Уладай мэргэн подумал: „Ведь сказал мне мой старший брат, чтоб я не оглядывался назад. Что бы там могло быть?“ С этими словами он поднялся и посмотрел. Увидел он, как его кочевье Айхан тохой было как бы покрыто сугробами, как синие горы его колыхались, как синие также леса колыхались, как соловьи распевали, как распускались цветы и ягоды, как разнообразные птицы голосили, как волновалось его Молочное море, как высилась его гора Сумбэр ула. 24а. Увидев все это, он вспомнил и взгрустнул о прекрасном своем хане батюшке и прекрасной матери своей Тухэ Гоа. Из-за этого потерял, говорят, он свое сознание и [неизбежно] свалился со своего коня. Остальные лошади умчались [с меты], поднимая пыль. Темнорыжий конь очень удивился этому, стал он звать Уладай мэргэна точно человек и лягаться по конски, но не мог его поднять. Сильно пожалев об этом, темнорыжий конь кое-как из двух своих ноздрей влил [помазал] ему в уши холодные черные слюны, помогая на его плечи и, приподняв его, сказал, говорят: „Увы, мой Уладай мэргэн! Что сделалось с тобою? В таком ли месте сокрушаться? С тех пор, как ускакали первые кони, прошло девять месяцев, конский кал уже стал кизяком. Ведь твой старший брат и Эрхим Хара поднялись на Болдзотынский холм и, всматриваясь сюда, спорят между собою о том, чья лошадь поднимает пыль [это — пыль твоей лошади, это — пыль моей лошади]. 24б. Ведь не так ли? Увы, как жаль! Спереди на мне пусть навьючатся два камня величиною с трехлетнего быка, а сзади — два камня величиною с четырехлетнего быка!“

С этими словами темнорыжий конь помчался [вслед за прочими конями] летя махом точно беркут, рыская точно синий волк, подпрыгивая как голодный лось; скачет он, дальние горы приближая [укорачивая путь], перешагивая через широкие равнины, и мчась без отдыха десять суток, на расстоянии девяти месяцев увидел пыль коней, [сильных] как тысяча ветров. Когда темнорыжий конь обогнал этих коней, они попадали друг на друга, подавленные его величиною. Далее темнорыжий конь, мчась уже на расстоянии десяти месяцев, увидел пыль двух коней: желто-пестрого, не обгоняемого и ветром, и пестрого, не обгоняемого [даже] вихрем. Когда он обогнал их, они попадали друг на друга, подавленные его величиною. 25а. Мчась далее с топотом, увидел темнорыжий конь пыль большого вороного коня и красночалого коня с крепкими поводьями, мчавшихся удила в удила. Боясь, как бы и эти не попадали, подавленные его величиною, темнорыжий конь перелетел [перепрыгнул] над ними и далее с топотом помчался. Увидел также пыль двух кобылиц слоново-белой масти и, задевая их, помчался, говорят, далее, разбив им передние ноги и засунув их [ноги] в их кобылки кушаки [пояса]. Когда же темнорыжий конь [таким образом] рассек кобылиц по сердцу и заду, то они, очень об этом сожалея,

помчались вслед за ним с пустой грудью. Далее мчась с топотом на расстоянии пятнадцати месяцев, увидел темнорыжий конь пыль коня слоново-красночалой масти со львиной мордочкой и снял с него его узду. Затем сказал темнорыжий конь: „Ну, мой Уладай мэргэн, сбрось с меня четыре навьюченных камня. Теперь я ускачу как полагается аргмаку. 25б. Ты же крепко держись, как полагается мужу, и во время скачки держись крепко, мой Уладай мэргэн, не прерывая свое гикание и не мигая своими ясными глазами!“ Быстро обогнав коня слоново-красночалой масти со львиной мордочкой, темнорыжий конь помчался далее.

Тем временем Эрхим Хара и хан Харангуй вдвоем поднялись на Болдзотынский серый холм и стали, говорят, спорить между собой: „Это — пыль моей лошади! Это — пыль твоей лошади!“ [Тем же временем] примчался, говорят, темнорыжий конь; из дыхания его загорался огонь, пуская облаками дым, из его четырех копыт бились черные ключи и отдавалось пылью, покрывавшей все и вся. Подъехал тогда хан Харангуй на своем малом вороном коне и золотым своим арканом кое как поймал своего темнорыжего коня на том же холме; затем снял с него седло, вытер пот и привязал его к золотой осине, что стояла около дворца, построенного из шкурок черных соболей. Тогда прекрасная дагини Толи Гоа и Уйлэн Солонго взяли свои золотые и серебряные гребни. 26а. Затем девицы стали темнорыжему коню гладить шею, вытирать его пот и расчесывать хвост и гриву, [таким образом] почистили его. Весь народ Бурал хана собрался около темнорыжего коня и стал хвалить его, дивясь: „Чей это такой быстрый конь, что это за прекрасный конь и как родился такой конь!“

Тем временем прибыл небесный конь слоново-красночалой масти со львиной мордочкой. За ним прибыли две кобылицы слоново-белой масти. За ними прибыли большой вороной конь, да красночалый конь с крепкими поводьями, соединив свои удила. За ними прибыли желто-пестрый конь, не обгоняемый и ветром, и быстрый пестрый конь, не обгоняемый и вихрем, прибыли они удила в удила. Затем последними прибыли и немногие другие [сильные как тысяча ветров], иные — устали и остались. Хан Харангуй провозгласил: „И второй заклад за мною!“ Тогда, говорят, сказал Эрхим Хара: „Хан Харанхуй, вы меня здесь подождите! 26б. Я схожу за своими силачами!“ С этими словами Эрхим Хара отправился в страну тридцати трех тэнгринэров [небес] и попросил их: „Соизвольте пожаловать мне одного хорошего силача!“ Тэнгринэры посоветовались между собою и сказали: „Где же для тебя взять силача? Силача Наран Саран Тулая убили, какого же теперь взять силача? Что же ты уступаешь сам хану Харангуй? Во всем нашем небесном мире нет для тебя ни красавицы, ни коня [и ни силача]. Ничего другого не остается для тебя, как быть побежденным ханом Харангуй и потерять свою черную жизнь. Попробуй взять силача Дархан Хара, мигом переосиливающего зараз семьдесят верблюдов, и силача Хог Хара, бросающего камнем сквозь тридцать верблюдов!“

Тогда Эрхим Хара взял этих двух силачей и вернулся обратно, говорят.

Затем, решив пуститься в бой силачей, силач Дархан Хара и хан Харангуй одели свои куртки. Хан Харангуй, повозившись некоторое время, сбросил силача Дархан хана так, что земля в девяти местах разбилась. Затем, повозившись некоторое время с силачем [бросившим камнем сквозь тридцать верблюдов] бросил его так, что кипарисовые деревья в пятнадцати местах разломались вдребезги. 27а. Сказал хан Харангуй: „Ну если есть еще силачи, то приведи их сюда!“ Сказал тогда Эрхим Хара: „Вы немного подождите, я привезу одного хорошего силача!“ И с эти словами отправился к тридцати трем тэнгринэрам, которых стал он умолять дать ему хорошего силача, наклонив свои колена и разостлав свои подолы. Вышние тэнгринэры сильный сделали ему выговор: „Разве ты не слышал, что в раннее время родился хан Харангуй таким могучим, что мог соразмеряться своей силой с самой землей и состязаться с тэнгринэрами? Сверху мы, тэнгринэры, и снизу сама земля не смогли этого мужа одолеть и заставить его присмиреть. Надо обыкновенному человеку заранее покориться, пока целы седло и узда!“ Так сказали тэнгринэры и добавили: „Если хочешь еще раз испытать страх, то попробуй сходить к двадцатипятиголовому вредному долговязому красному мангусу, что живет между небом и землею [на меже земли и неба], и попросить его!“ 27б. Так соизволили сказать тэнгринэры. Тогда Эрхим Хара взял свой скот целыми загонами и людей целыми кошунами-уделами и отправился к долговязому красному мангусу, которому изложил все свои дела [прося у него помощи]. Тогда долговязый красный мангус, прибыв к хану Харангуй, лишил его сознания и вместе со всем черно-соболевым дворцом и пристройками положил его к себе в подмышку, затем поднялся, говорят, к себе на небо. Опростоволосившийся хан Харангуй, придя в сознание, сказал: „Что это я так оказался в подмышках этого паршивца, чего ради я здесь оказался!“ С этими словами он схватился за голову мангуса и, трижды сделав заклятие, бросил его [точно камень] в нижний Дзамбутиб [Индию]. Затем, говорят, вернулся обратно и сказал: „Ну, если есть еще борец, то приведи поскорее, а если — нет, то скажи. Но не за мною ли все три победы в состязании? Возьмем то, что полагается каждому из нас; дадим то, что причитается с каждого из нас!“ 28а. Сказал тогда Эрхим Хара: „Пусть будет так, как случилось. Хан Харангуй пусть берет то, что ему полагается; хан и царица пусть жалуют то, что они соизволят. У меня [теперь] нет никакой злобы [против вас]!“ С этими словами, говорят, он уехал на своем сильном коне.

Бурал хан ударил [разложил] свой большой барабан и народ большой свой собрал; ударив в малый барабан, собрал свой меньшей народ; затем выбрал [назначил] лучший день лучшего месяца. Прекрасная Толи Гоа и хан Харангуй поженились, говорят, соединив свои изголовья. Уйлэн Солонго выдали за Уладай мэргэна, и они тоже поженились, соединив свои

изголовья. Устроили великое пиршество, выставили большое угощение, где благоухало мускусом; пировали они с наслаждением восемьдесят суток. Уйлэн Солонго стала звучно наигрывать на тонких черных гусях, сделанных из ряда козьих костей и облицованных слоновой костью; а народ, который слушал, был очень тронут этой игрою. Когда она второй раз провела рукою по гусям, то 28б. в белооблачном дворце все шелковые занавески заколыхались, развеваясь, говорят. Вот они пируют с наслаждением много дней, и однажды хан Харангуй сказал прекрасной дагини Толи Гоа: „Мы прибыли из дальней земли и далеких вод, теперь пора уже в свои кочевья возвращаться. Не доложить ли нам об этом батюшке и нашей матушке?“ Сказала тогда Толи Гоа: „Когда ты будешь уезжать, то тебя попросят взять у них то, что ты захочешь. Ничего ты не бери, а проси у них две святыни — золотые ганджур и данджур, а также хрустальную драгоценность величиною с конскую голову!“ Так наказала она хану Харангуй. Вот пошли они, говорят, к Бурал хану, чтобы попрощаться перед дорогою; взяли они с собою десять бурдюков вина десяти перегонков и двадцать бурдюков вина двадцати перегонков, а также мясо белого барана и длинный белый хадак. Сказал им тогда Бурал хан: „Дождь, который идет, прекращается [уходит]; приезжающие — уезжают. Справедливо то, что ты теперь возвращаешься домой. 29а. А теперь проси у меня то, что хочешь!“ Отвечал тогда хан Харангуй: „Мне ничего не нужно, но коли хан батюшка и матушка царица что-то жалуют мне, то я хотел взять золотые ганджур и данжур, а также хрустальную драгоценность величиною с конскую голову!“ Тогда Бурал хан и царица, которую звали Наран Гэгэн дагини [Волшебница солнечного блеска], заплакав в обратную сторону и смеясь открыто, соизволили дать золотые ганджур и данджур, а также хрустальную драгоценность. Прекрасная дагини Толи Гоа и Уйлэн Солонго, поднеся отцу и матери свои золотые белые хадаки, поклонились святыням — богам своих родителей и сказали ем: „Прекрасный хан батюшка наш, прекрасная матушка царица! Расширяйте свою великую державу и свою прекрасную величественную религию и живите крепко и спокойно!“ Тогда хан и царица обняли своих дочерей и сказали им: „Ну, наши дети, будьте счастливы, где бы вы ни были!“ Так благословили они дочерей. 29б. Хан Харангуй также поднес хану и царице свой хадак и пожелал им счастья. Затем быстро перешагнув их прекрасный порог, сложил дворец, построенный из шкур черных соболей, собрал все имущество двух дагини, их юрты, народ и стада и сложил их на тысячу белых верблюдов. На десяти тысячах белых верблюдов сложил он ганджур и данджур; ничего он не оставил: ни волосинки войлока и никакого обрывка. Затем тронулись они в путь. Вот едут они скача, десять дней без отдыха, двадцать суток без еды и сна. Вот остановились они на ночлег в месте, где были воды и травы. Тем временем сказала прекрасная дагини Толи Гоа, знающая бедствия двенадцати минувших лет и предчувствующая бедствия двенадцати грядущих лет: „Из твоих айхан-тохойских кочевьев Эрхим Хара подни-

мается на верхнее небо, ведет он с собою сто восемь прекрасных пажей, подающих чай, и испускает сияние разнообразных красок. 30а. Говорят, что муж, родившись дома, должен умирать в поле, пойти ли тебе на Болдзотынский серый холм? Тогда сказал хан Харангуй: „Какая прекрасная эта речь! Какое это справедливое слово!“ С этими словами он поспешно отправился в путь, взяв с собою своего младшего брата Уладай мэргэна, и поднялся на Болдзотынский серый холм, где сел, озираясь кругом. А в это время Хиргис Сайн Буйдэр с холодным синим каменным сердцем, владеющий северно-восточной стороной, вышел навстречу к хану Харангуй, ведя за собою тридцать витязей и триста наездников передовых на пестрых конях. Хиргис Сайн Буйдэр, оставив в одном месте своих витязей и наездников, изменив свой облик и превратившись в желтую жалящую осу, прибыл к хану Харангуй и, чтобы ужалить его, вошел во внутрь его через правый нос, но не смог там найти место, где бы ужалить, так как у хана Харангуй в ребрах не было промежутка, а в задней части — сустава. Поэтому он вышел из нутра хана Харангуй и сказал своим тридцати витязям и тремстам наездникам: 30б. „Этот хан Харангуй в своих ребрах не имеет промежутка, в своей задней части — сустава, он как бы весь состоит из твердого камня; такому, как мне, его не одолеть, а [потому] отправляйтесь вы отсюда обратно. Я же пойду к нему и буду ему и его брату третьим кровным братом!“ С этими словами он отправил своих витязей и наездников домой и, оправив свой вид, прибыл к хану Харангуй, около которого привязал своего коня, вздыбив его поводьями точно гору и стянув как ящичек. Затем он приветствовал хана Харангуй и Уладай мэргэна и сел, говорят, рядом с ними. Спросил его хан Харангуй: „Кто ты, имеющий в лице огонь, а в глазах — величие? Откуда и куда ты направляешься и где твои земли и воды? Как твое имя и звание? Отвечал тогда Хиргис Сайн Буйдэр: „Я Хиргис Сайн Буйдэр с холодным сине-каменным сердцем, имеющий пестрого коня и владеющий северо-восточной стороной. Услышав, что вы со своим братом Уладай мэргэном, победив врагов, завоевав славное имя дархана и получив [в жены] дагини, возвращаетесь домой, решил приветствовать вас, как людей, прибывших с дальних вод и далеких земель. 31а. Намеревался также стать вашим третьим кровным братом!“ Тогда отвечал хан Харангуй, что на это согласен, и поставил ему на голову изображение Вачирпани, а на лоб будды Махагалы. Дали ему друг другу клятвы и обещания в вечной дружбе и, сделавшись втроем кровными братьями, запели звучными и зычными голосами. Затем с одинаковыми обликами, ранее бывшие далекими друг другу, прибыли к месту остановки и рассказали прекрасной дагини Толи Гоа и Уйлэн Солонго обо всем, что случилось. Закурили они затем синий листовой табак, пуская тонкий синий дымок, заиграли на тонких черных гусях и стали так наслаждаться, забавляясь. Тем временем Хиргис Сайн Буйдэр сказал: „Мои кочевья далеки, мои родители уже стары. Я отправлюсь отсюда домой. Если до ваших айхан-тохойских кочевьев встретится с вами какой-либо

неприятель, то тогда я непременно прибуду и по мере своих сил и возможностей помогу!“ С этими словами Хиргис Сайн Буйдэр отправился, держа путь к своим кочевьям.

31б. Снова на тысячу своих белых верблюдов навьючили свой дворец и пожитки, а на десятки тысяч верблюдов — свои ганджур и данджур и поехали, не отдыхая по десяти суток и не кушая в течении двадцати суток. Когда они вновь остановились на ночлег в одном месте, где были воды и травы, сказала прекрасная дагини Толи Гоа, знающая бедствия двенадцати минувших лет и предчувствующая бедствия двенадцати грядущих лет, сказала слова такие: „С небесной земли есть для тебя слегка гневный муж. Муж, родившись дома, должен в поле умереть. Не отправиться ли тебе на Болдзотынский серый холм!“ Сказал тогда хан Харангуй: „Какая прекрасная эта речь! Какое это интересное дело!“ С этими словами он немедленно отправился торопливо на Болдзотынский серый холм и сел там ожидая. Тем временем потянулся черный туман, зашевелился черный ветер, пошел черный дождь, стал приближаться все ближе и ближе рев пяти драконов, и пять драконов пяти мастей прибыли, низвергли пятьсот пятьдесят стальных стрел в качестве молнии по пяти равнинам. 32а. Хан Харангуй сказал: „Да сплетутся мои невообразимые белые силки!“ С этими словами он собрал в своих силках те пятьсот пятьдесят стрел, поймал тех пятерых драконов, схватив их своею левою рукою, и по одиночку свернул им шеи, а затем подложил их под свое колено и сел на них. Тогда сразу прекратился дождь, и небо стало ясным. Затем сел хан Харангуй на своего темнорыжего коня и помчался домой, гикая точно барс и грохоча точно дракон.

Снова на тысячу белых верблюдов навьючили они свои пожитки и дворец, на десяти тысячах верблюдов — ганджур и данджур, и ускакали дальше. Вновь остановились они на ночлег в одном месте, где были воды и травы. Пока они здесь ночевали, сказала прекрасная Толи Гоа: „Муж, родившись дома, должен в поле умереть. Не пойти ли тебе на Болдзотынский серый холм!“ Хан Харангуй тогда сказал: „Какое это интересное дело!“ 32б. С этими словами он поспешно отправился со своим младшим братом на Болдзотынский серый холм и стал там всматриваться вдаль. Тем временем прибыл черный витязь Хатан Цэнгэль, живущий в нефритовых скалистых кочевьях юго-западной окраины; прибыл он верхом на вороном коне, большом как Хангай; взял он с собою все свое оружие, своих сильных и могущих тридцать славных витязей, а также свои войска числом около трех миллионов и трехсот тысяч. Окружил он своими войсками хана Харангуй в три ряда. Хан Харангуй и Уладай мэргэн бросились к ним рубиться; тем временем прибыл на помощь к ним Хиргис Сайн Буйдэр и стал тоже рубиться. Рубятся они и стреляются из лука, не отдыхая десять суток и без сна и пищи в течение двадцати суток. Многих они разрешили, а разреженных перекрошили; и когда они втроем по-братски стали добивать последние войска, то черный витязь Хатан

Цэнгаль и хан Харангуй встретились друг с другом. Хан Харангуй, говорят, сказал: 33а. „Ты ли должен [первым] стрелять, уже разгорячившийся [точно] солнце? Или должен стрелять я, уже близкий к смерти?“ Витязь Хатан Цэнгаль сказал: „Я буду (первым) стрелять, уже разгорячившийся [в бою]!“ И с этими словами на свой крепкий черный лук наложил острую белую стрелу и пустил ее, метя прямо в черное сердце хана Харангуй. Пущенная стрела с треском отскочила назад и упала, точно попала в скалу [а не в сердце хана Харангуй]. „Теперь мой черед!“ — сказал хан Харангуй и прицелился из своего мощного слоново-белого лука, наложив на его гигантский зарубок большую сине-белую стрелу. Пустил он эту стрелу, метя прямо в черное сердце Хатан Цэнгэля; и говорят, что стрела отлетела назад, точно попала в скалу. Тогда они вынули свои крепкие булатные мечи, но, рубясь между собою, не смогли одолеть друг друга, [а потому] прекратили бой. „Не годится для нас любое оружие, каким бы мастером оно ни было сделано. Попробуем состязаться тем, что создано нашими родителями!“ С этими словами одели они куртки, сшитые из верблюжьих шкур, и штаны, сшитые из шкуры изюбря. Отошли они затем на расстояние одних суток: на расстоянии полдня ходьбы распривалили они свои члены; наконец схватились друг с другом и стали бороться, не отдыхая десять суток и не кушая двадцать суток. 33б. Тем временем Хатан Цэнгаль на свое прекрасное хангайское бедро хотел низвергнуть хана Харангуй; и чтобы ударить его сзади, сделался он золотистым клещем: чтобы ударить его спереди, сделался голодным клещем. Сказал, говорят, тогда темнорыжий конь: „хан Харангуй! Что же ты теряешь все годы и месяцы и не разгорячишься?“ Хан Харангуй тогда всем своим телом разгорячился, потекли у него капли черного пота, и, с криком „ай“, схватив Хатан Цэнгэля, сбросил его под Хангай. Затем встал он, упершись на белую грудь Хатан Цэнгэля, и сказал: „Ну, Хатан Цэнгаль, если есть у тебя что сказать, говори! Если — нет, то умри ты молча!“ Отвечал тогда Хатан Цэнгаль: „Мне нечего сказать. Уничтожил я десять мужей в десяти странах, захватил я себе несметное богатство... Что же мне теперь сказать? Муж, родившись дома, должен в поле умереть. Кончай меня скорее!“ 34а. Хан Харангуй своим черным мечом заколол его, черную душу его прервав, сжег его кости и останки [буквально: кости и воду] и развеял его пепел. Затем братья вдвоем [сбоку приписано: втроем] примчались домой точно беркуты какие. Дома поели они приготовленное кушанье и выпили густой чай: так, говорят, наслаждались они там.

Затем Хиргис Сайн Буйдэр отправился в свои кочевья. Хан Харангуй на свою тысячу верблюдов сложил свои ганджур и данжур, нагрузил свои пожитки и дворец и поехал со своими домой, не отдыхая десять месяцев и не засыпая двадцать месяцев. Вновь остановились они в одном месте. Говорила прекрасная дагини Толи Гоа, знающая все бедствия двенадцати минувших лет: „Муж, родившись дома, должен в поле умереть. Не отправиться ли тебе на Болдзотынский серый холм!“ Сказал тогда хан Ха-

рангуй: „Какое прекрасное это дело! Какое интересное это дело!“ В это время верхние тэнгринеры совещались между собою. 34б. Говорили они так: „Во-первых, хан Харангуй отобрал у нас невесту. Затем убил он трех наших хороших силачей. Затем сломал руки и ноги двух наших слоново-белых кобылиц. Затем испортил нашего коня [силою] тысячи ветров. Теперь мы должны потребовать у него за все это сразу ответ!“ С этими словами они отправили с тремя гонцами послание к Эрлик Номун хану, хану мангусов и хану шилмусов. Написали они в этом послании, что тому, кто победит хана Харангуй, они дадут готовую державу и благословенную религию. В три разные стороны было отправлено послание. Эрлик Номун хан и хан шилмусов вернули обратно гонцов с ответом, что они не справятся с ханом Харангуй. Девяностопятиголовый черный мангус, хан мангусов, сказал: „Я его убью и одолею! Если я его [хана Харангуй] одолею, то получу за это готовую державу и благословенную религию!“ С этими словами черный мангус сел на своего гороподобного пестрого коня. 35а. Взял он с собою своего младшего брата Хабшин Хара Бургуда, снимающего семьдесят — восемьдесят мет. Взял он также триста тысяч своих мангусовых войск — копыеносцев. Со всем этим он без отдыха отправился по небесной дороге. Тем временем хан Харангуй со своим Уладай мэргэном поднялся на Болдзатынский серый холм и, оглядываясь во все четыре стороны, заметил, что с небесной стороны как бы течет большая черная река с тремя истоками и восьмидесятью одним притоком. Река прибыла и окружила [оцепила] хана Харангуй сто семьдесят раз. Хан Харангуй стянул сильнее подпруги и сбрую своего темнорыжего коня и полетел на нем точно гигантский сокол, ведя за собою своего Уладай мэргэна. Полетели они с громким непрерывным гиканием, не моргнув своими глазами. Стали они рубить своею черною саблею с ледяным булатным лезвием и серебряно-булатным обухом; стали они рубиться с врагами и тут и там.

Тем временем прибыл Хиргис Сайн Буйдэр и тоже стал рубиться с одной стороны. 35б. В течение десяти суток рубились они без передышки, двадцать суток они рубились без пищи и сна. Когда Уладай мэргэн оглянулся назад, то Хабшин Хара Бургуд пристрелил его спереди. Свалился тогда Уладай мэргэн со своего большого вороного коня, перелетев через него. Увидел это хан Харангуй и, прибежав, воскликнул: „Увы, мой Уладай мэргэн, ставший жертвой меднолицего Бургуда, этого ястреба для людей.“ Обнял он его голову и сказал: „Если окажусь я способным, мощным и славным мужем, то черного мангуса я убью и поставлю на нем свое ложе. Если же не сумею это сделать, то [хоть] уничтожу его на половину“. С этими словами снова бросился он в бой, рубясь с врагами. Тем временем Хиргис Сайн Буйдэр, смотревший все вперед, оглянулся назад, а в это время Хабшин Хара Бургуд пристрелил его из лука с семидесятью-восьмидесятью заставками. Свалился, говорят, тогда Хиргис Сайн Буйдэр со своего пестрого коня, перелетев через него. 36а. Увидел

и это хан Харангуй и, прибежав, воскликнул: „Увы, мой Хиргис Сайн Буйдэр с холодным черно-каменным сердцем.“ С этими словами обнял он его голову и сказал: „Если окажусь я способным славным мужем, то одолею черного мангуса и на нем устрою свое ложе. Если же не сумею это сделать, то хоть наполовину его уничтожу.“ С гневом снова бросился он в бой. Тем временем подошел к нему Хабшин Хара Бургуд и из лука пустил в него сразу семьдесят-восемьдесят стрел. Эти стрелы, не пробив хана Харангуй, отскочили назад. Сказал тогда хан Харангуй: „Эй, ты вредный, ставший осою и комаром.“ И когда Хабшин Хара Бургуд, смотревший все вперед, оглянулся назад, пустив свои стрелы, то он свалился со своего гороподобного черного лысого коня, перелетев через него и закрывая собою и солнце и луну. Увидел это его старший брат, черный мангус и, прибежав, обнял его голову с плачем и сожалением: „Увы мой бедный и любимый.“ 36б. Затем сказал слова такие: „Если окажусь способным и славным мужем, то убью я хана Харангуй с его братьями и на их трупах устрою свое ложе. Если же окажусь неспособным, то покончу свою черную жизнь“. С этими словами устремился он на хана Харангуй, пустил в него стрелы из своего черно-пестрого лука и стал рубиться чернобулатным мечом, но не смог его одолеть. Хан Харангуй пустил в черного мангуса стрелы из своего белого лука, мощного как тысяча слонов, но не смогши и этим одолеть, стал вынимать свой чернобулатный меч. Тогда спросил его, говорят, темнорыжий конь: „Эй, ты хан Харангуй. Как же ты хочешь его убить?“ „Я думаю, — отвечал хан Харангуй, — что он не уйдет от [удара] оружия, сделанного мастерами“. „Нет, — сказал тогда конь, — так нельзя его убить. Его душа в облике двух змей будет торчать, высовываясь из конских ноздрей. Когда ты будешь отступать, оглядываясь назад, и повернешь вдруг к нему навстречу, то увидишь, как из двух его конских ноздрей будут высовываться две змеи, золотая и серебряная. 37а. Вот их-то сумей не упустить пристрелить“. Когда темнорыжий конь так сказал, хан Харангуй стал отступать по сказанному, а мангус стал его преследовать; тогда он пристрелил тех двух змей. Девяностопятиголовый черный мангус свалился тогда со своего гороподобного черно-пестрого коня и, опираясь на красное копье с черенком в тридцать шагов сказал: „Если родится муж с головой, то пусть родится таким, как хан Харангуй, если родится конь, то пусть родится таким, как темнорыжий конь; если родится дагини, то пусть она родится такой, как прекрасная дагини Толи Гоа.“ С этими словами черный мангус свалился, загораясь собою и солнце и луну. Хан Харангуй собрал большие деревья, пустил большой пожар, собрал черные останки черного мангуса, сжег его кости и, превратив их в пепел, развеял по черному ветру, а затем вернулся домой.

Прибыв домой, хан Харангуй разорвал струны тонких черных гуслей. 37б. Затем сказал прекрасной дагини Толи Гоа и Уйлэн Солонго: „Из-за вас, двух служанок, потерял я своих двух младших братьев. Правда ли,

что ты можешь оживлять умерших и обогащать обедневших. Если правда, то мигом оживи моих братьев“. Тогда прекрасная дагини Толи Гоа и Уйлэн Солонго налили нектар в свой златосеребряный сосуд, сели вместе верхом на красночалого коня с крепкими поводьями и вместе с ханом Харангуй прибыли на место боя, где трижды брызнули нектаром на трупы Уладай мэргэна и Хиргис Сайн Буйдэра и трижды перешагнули через них. Тогда [убитые] приняли свой прежний облик и, быстро выскочив, стали рассказывать всем, что было с ними. Затем впятером вернулись обратно и стали наслаждаться. Хиргис Сайн Буйдэр сказал: „Далеки мои кочевья, а родители — стары. Теперь поеду я домой. Прибуду я на следующий ваш бой и по мере своих сил помогу“. 38а. С этими словами он ускакал домой.

Хан Харангуй на тысячу белых верблюдов сложил свои ганджур и данджур, на десяти тысячах белых верблюдов — свои пожитки и дворец и вместе со своими откочевал домой. Вот собрались они ночевать в одном месте, обильном водами и травой. Сказала тогда прекрасная Толи Гоа: „Муж, родившись дома, должен умереть в поле. Со стороны верхнего неба к тебе придет один приятель“. Тем временем сын небес Эрхим Хара прибыл к хану Харангуй, везя с собою вина на ста белых верблюдах и ведя с собою сто восемь прекрасных пажей: остановившись у дворца, Эрхим Хара вошел во дворец прямо через парадную дверь. Хиргис Сайн Буйдэр же вошел через заднюю дверь и также сел [о приезде этого витязя не говорилось Г. С.]. Хан Харангуй спросил: „Эрхим Хара, для чего ты приехал сюда?“ „Когда-то раньше, — отвечал Эрхим Хара, — в молодости я сделал вам неприятность. 38б. Это я хотел бы заглядеть, а потому привез самые лучшие свои кушания. Признав свою прежнюю вину, я хотел бы стать вашим кровным братом.“ „То, что он говорит о братании, — сказали тайком хану Харангуй Уладай мэргэн и Хиргис Сайн Буйдэр, — явный обман, это видно по его холодным глазам. Не слушайся его слов“. „Ничего, — сказал хан Харангуй, — я знаю“. С этими словами он побратался с Эрхим Хара, выпил с ним его разные вина [ардза и хордза] и сделался лицом рыжим и румяным. „Должен я своему старшему брату подать его долю вина“, — сказал Эрхим Хара хану Харангуй и подал ему через человека вино в пестрой фарфоровой чаше, большой как море. Хан Харангуй растянулся, говорят, как ремень и покраснел как тамариск. После этого Эрхим Хара подал вина ардза и хордза Уладай мэргэну и Хиргис Сайн Буйдэру и повел их, чтобы поохотиться на дичь близ айхан тохойского кочевья. 39а. Там он намазал ядом острие стрелы и пристрелил их, а затем, вернувшись домой, никак не смог умертвить разными оружиями хана Харангуй. Тогда Эрхим Хара пустил на его голову черный туман и, взяв с собою прекрасную дагини Толи Гоа, отправился на верхнее небо. Удивилась, растерялась тогда Уйлэн Солонго: „Куда же теперь деваться нам, людям с короткими поводьями?“

Тем временем хан Харангуй вдруг пришел в сознание [вошел в свое сознание], трижды кликнул своих двух младших братьев, но ничего не

было слышно; трижды кликнул он: „Прекрасная моя Толи Гоа“. Тоже ничего не было слышно. Тем временем, пока он так удивлялся, пришла Уйлэн Солонго и сказала: „Прибыв, чтобы [якобы] побрататься с вами, Эрхим Хара дал вам свои ардза и хордза [вина десятой и двадцатой перегонки] и отравил вас этим. Затем он, охотясь на дичь около айхан тохойского кочевья, куда заманил ваших братьев, пристрелил их отравленными стрелами. 39б. Он там намазал стрелы ядом и, якобы стреляя в зверя, убил ваших братьев. Затем вернулся он сюда и, чтобы убить, вас, перепробовал разными оружиями, но не смог покончить. После этого он пустил [стянул] на вашу голову темный черный туман и исчез к себе на верхнее небо, захватив с собою вашу прекрасную дагини Толи Гоа.“ Обо всем этом подробно рассказала Уйлэн Солонго. Хан Харангуй тогда, говорят, с горечью сказал; „Ведь вот правду говорят «муж может сбиться, а большой палец — обвалиться». Ну, моя Уйлэн Солонго, ты оставайся здесь и вылечивай моих двух младших братьев, я поеду вслед за Эрхим Хара“. Сказал он затем своему темнорыжему коню, покрытому признаками восьмидесяти коней: „Если не сумеешь ты доставить меня на небо, то убью тебя, разрезав повыше четырех твоих копыт. 40а. Если же [после того, как ты доставишь меня на небо] я не сумею получить ответ [отомстить] и освободить свою прекрасную дагини Толи Гоа, то пусть я погибну, начав разваливаться с большого своего пальца“.

С этими словами сел он на своего темнорыжего коня и помчался, летя точно гигантский сокол. После того, как уехал хан Харангуй, — Уйлэн Солонго поймала своего любимого пегого коня с восьмью украшениями и поехала к двум славным мужам, которых и вылечила, говорят. Мигом достиг хан Харангуй небесного драгоценного дворца и слез с коня около дверей этого золотого дворца. Когда же он вошел во дворец, то там уже собирались заставить прекрасную дагини Толи Гоа совершить [брачное] поклонение. Взял тогда хан Харангуй своею правою рукою свою прекрасную дагини Толи Гоа и положил ее за свою пазуху [затем схватил он Эрхим Хара и], держа его за вихри, стащил вон. Тогда тридцать три тэнгринэра взяли свой длинный [в один шаг] золотой хадак и вышли вслед за ханом Харангуй, пред которым преклонили колена и, поднеся хадак к его груди, сказали: 40а. „Хан Харангуй! Ты сам знаешь, справедлив ты или нет; соизволь же пожалеть нашего молодца“. Так стали они его умолять. Хан Харангуй, говорят, сказал: „Говорится, что женщина с кушаниями делает, что она хочет, а мужчина — в своем гневе. Поэтому у всякого человека не бывает ли [всякое]. С этими словами он сбросил Эрхим Хара, которого держал, и добавил: „Кабы был я не у вас, тэнгринэров, а в другом месте, то я бы вам показал что-нибудь похуже. Державы мои настроения, как вам сказал, пожалев, милосердие“. С этими словами хан Харангуй на своем темнорыжем коне вместе с Уйлэн Солонго ускакал к прекрасной дагини Толи Гоа, взяв которую он вернулся к себе

домой, в нижний мир Дзамбутиб. После возвращения домой все братья втроем, сделавшись не то пьяными, не то глупыми, зажгли бездымный огонь и стали кушать, успокоившись.

41а. Тогда сказала прекрасная дагини Толи Гоа: „Глупые вы, неразумные мои. Когда вы будете скромничать, как подобает славным мужам, и робко с кем обходиться, с неба придут двое неприятелей. Вы втроем этой ночью не засните и сидите с оружием в руках. Тогда придёт некое безобразное существо без волос и сядет у дымохода, а затем трижды кликнет вас. Вы тогда без всякого звука тихо и метко пристрелите и рассеките его“. Настала ночь. Прекрасная дагини Толи Гоа собрала их в одной юрте и всем троим дала в руки оружие, луки со стрелами и копья; затем строго наказав, чтобы они не спали, прикрыла дымоход юрты, закрыла двери и пошла спать в свою юрту. 41б. Когда настала ночь, трех мужей склонило ко сну, и они заснули, положив свои головы друг на друга. Тогда прибыло с неба совсем голое безобразное существо без волос, прибыло, когда стало темно-темно. Село оно у дымохода и, просверлив его, крикнуло: „Хан Харангуй, это вы здесь втроем.“ Тогда они испуганные проснулись, и пока они говорили „а“ и „э“, это существо бросило в масло трехлетнего сбережения смесь яда и, обмакнув его в смеси же черного кушания многих лет, сунуло им в рот, а затем тотчас же незримо исчезло. Хан Харангуй, выбежав из юрты, превратился в девяностоголового глупого черного мангуса и убежал к горе Сумэр ула [Сумбэр ула?]. За ним вслед вышел, чтобы поискать его, Хиргис Сайн Буйдэр и, сделавшись желтым вепрем, исчез в большой роще, растянувшись по земле. За ними вышел поискать их Уладай мэргэн и поехал на темнорыжем коне, однако конь превратился в каменное конское изваяние, а сам он погиб, сделавшись каменным человекообразным изваянием.

42а. Две дагини весьма удивились: „Куда же исчезли наши люди с короткими поводьями [т. е. немощные]?“ Пока они там так поживали, от Уйлэн Солонго родился один мальчик с золотой грудью и серебряным задом и медным лбом. Родившись утром, он днем стал ползать, а вечером уже ходить. Через десять дней ему исполнился уже один год, в двадцать дней он вырос как двухлетний и стал уже играть. Однажды он, попробовав стрелять из лука Уладай мэргэна, сказал: „Не очень-то велик этот славный муж, должно быть просто славный муж“. А попробовавши из лука Хиргис Сайн Буйдэра, сказал: „Не очень то велик этот славный муж; должно быть это муж, не отступающий от своих слов, имеющий одно стремление, одно слово, одного коня и один кнут“.

Попробовал он из лука хана Харангуй и сказал: „Этот, должно быть, родился своей силою с самой землею и соразмеряться с тэнгринэрами; он неуязвим для стрелков и непобедим силачами. 42б. Что это за славный муж!“ — воскликнул мальчик.

Однажды мальчик попросил: „Матушка, дай мне вылущенные зерна.“ Матушка дала ему вылущенные зерна, и мальчик, взяв матушку за правую

руку и прикоснувшись к зернам, спросил: „Бывает ли ребенок без отца? Бывает ли юрта без хозяина? Кто мой отец, и куда ушли владельцы всего этого?“ Так спросил мальчик по своему глупому разумению. Тогда матушка рассказала ему обо всем, что было с давних пор до сего времени. Сказал тогда мальчик: „Не будет ли своевременно, если отправиться теперь? не будет ли поздно, если отправиться потом? В какую бы сторону мне направиться?“ Матушки посоветовались между собою, препоручили своего румяного мальчика [на попечение] святыне Хоншим бодисатвы, находящейся за следующим кочевьем, посадили его на красночалого коня с крепкими поводьями и сказали ему так: 43а. „Ты проедешь, — через кочевья нашего батюшки и матушки, находящиеся на расстоянии девяти лет, и приедешь далее в местность пятнадцати суток езды, где увидишь блестящую белую скалу, высящуюся до неба. Ты трижды обойдешь эту скалу и трижды поклонись, тогда тебе откроются врата, через которые внутри увидишь многочисленное собрание-богослужение Хоншим бодисатвы и двадцати одной дара-эхэ. Когда ты поклонись, соизволит спросить тебя Хоншим бодисатва: „Зачем ты прибыл?“ Тогда ты поклонись и попроси у него волшебный золотой силлок, красный животворный рилбу [шарик] и золотую тарелочку, сказав, что тебя послали матушки. Когда тебе дадут просимые вещи, ты получи с благоговением и вернись“. С этими словами они при помощи солнца и луны сократили ему путь, как если бы ехать только день, дали ему в торока кувшин молока и, поцеловав его в щеки, отправили в путь.

Бедненький мой мальчик скачет повыше земли и пониже синего серебряного неба. 43б. На расстоянии девяти лет миновал он кочевья Бурал хана и далее мигом прибыл в местность пятнадцати суток езды, где была блестящая белая скала, у которой он трижды поклонился. Затем стянул поводья своего красночалого коня с крепкими поводьями, точно скалу какую, и затянул его точно ящичек. Стал он потом молиться, преклонив свои колена, и тогда открылись врата, через которые он вошел и стал кланяться. Соизволил спросить его Хоншим бодисатва: „Ты зачем сюда прибыл?“ С преклонением мальчик отвечал: „Послала меня мать просить у вас волшебный золотой силлок, красный животворный шарик (рилбу) и золотую тарелочку“.

„Что это твоя матушка не может насытить тебя, славного мужа, черным мясом хорошего мерина и горячей кровью напоить“, — сказал Хоншим бодисатва и дал ему волшебный золотой силлок, красный шарик и золотую тарелку. Мальчик, взяв все это, поехал на коне своем обратно. Тем временем на голове румяного мальчика как бы оказался Хоншим бодисатва, а на двух его плечах — двадцать одна дара-эхэ. 44а. У коня на голове и ляжках происходило многочисленное собрание-богослужение.

К полдню проехав все расстояние, к вечеру прибыл в свое кочевье. На безлюдной ровной равнине он воздвиг кумирню и устроил шумное собрание-богослужение. Прекрасная дагини Толи Гоа и Уйлэн Солонго

повели за собою своего румяного мальчика, держа благовонный лист, поклонились Хоншим бодисатве и, изложив все дела, поднесли большой белый хадак. Хоншим бодисатва, говорят, сказал: „Кудрявый мой румяный мальчик. Ты с этими тремя святынями ступай к ближайшему каменному конскому изваянию, сделай красным животворным шариком знамение, благослови золотым силком и трижды ударь золотыми тарелочками. Далее ты найдешь человекообразное каменное изваяние, с ним сделай то же самое. Еще далее ты найдешь в густой роще желтого вепря, прыгающего на месте. 44б. То ты тем же способом благословишь и ускачешь дальше. Там, на вершине одной горы, вскоре увидишь лежащим девяностопятиголового глупого черного мангуса; к нему подойдешь осторожно, бросишь ему в рот животворный красный шарик, благословишь золотым силком и, трижды ударив золотой тарелочкой, возвратишься назад“. С этими словами отправил Хоншим бодисатва мальчика, посадив его на красночалого с крепкими поводьями. Поехал мальчик и вскоре сделал благословение над каменным изваянием коня. Конь принял свой настоящий облик и стал там топтаться на месте. Далее он сделал благословение над каменным изваянием человека, и Уладай мэргэн также принял свой прежний настоящий облик. Ускакав далее, мальчик в густой роще встретил желтого гарпующего на месте вепря, над которым также сделал благословение.

Далее, ускакав, он на вершине одной горы увидел спящего девяностопятиголового глупого черного мангуса.

Привязал он своего красночалого коня, стянув его поводья точно скалу и как ящичек затянув. 45а. Затем он осторожно подкравшись, точно курица, бросил черному мангусу в рот животворный золотой шарик, благословил золотым силком и, трижды ударив золотой тарелочкой, поспешно ускакал назад. От великого страха и конь скакал без передышки; так прискакал домой мальчик. Дома расставил он на место свои святыни.

Черный мангус проснулся испуганный, превратился обратно в хана Харангуй и, поднявшись на корточки, с изумлением стал озираться во все четыре стороны и по всем восьми направлениям. По близости увидел он красночалого коня с крепкими поводьями, оседланного детским седлом и привязанного уздечкой. С недоумением покачав головой, сел он на красночалого коня с крепкими поводьями и, отправляясь к месту остановки, встретил Уладай мэргэна и Хиргис Сайн Буйдэра, ехавших вдвоем на одном темнорыжем коне, вспоминая, что их старший брат когда-то отправился на гору. Они встретились вечером в поле и, рассматривая друг друга, стали с недоумением спрашивать друг друга, что с каждым из них случилось. 45б. Но понять, в чем дело, они не сумели и, попав на свой прежний путь, вернулись к своему черно-соболиному дворцу. Их встретила прекрасная дагини Толи Гоа и, спрашивая обо всем, сказала: „Разве я вам не говорила, чтобы вы не заснули? Несмотря на мой наказ пристрелить [некое существо], севшее у дымохода, вы беспечно заснули. Вам дали в рот черное грязное кушание; тогда ты, хан Харангуй, сделался глупым черным

мангусом и скрылся на вершине Сумбэр ула; Уладай мэргэн на темно-рыжем коне отправился вслед за тобой на поиски, но сам превратился в человекообразное каменное изваяние, а конь — в конское каменное изваяние. Отправился на поиски и Хиргис Сайн Буйдэр, но и он погиб, превратившись в темной роще в желтого вепря. Пока мы, женщины, недоумевали, от моей младшей сестры Уйлэн Солонго родился мальчик с золотой грудью, серебряной задницей и медным лбом. Родившись утром, стал он к полдню ползать, а вечером уже ходить. 46а. Через десяток суток он вырос как однолетний, а через двадцать суток ему как бы стало два года, и стал он играть, бегая там и сям. Не находя выход, снарядили мы, беспомощные женщины, румяного мальчика и на красноталом коне с крепкими поводьями отправили его к Хоншим бодисатве и двадцати одной дара-эхэ, чтобы устроил он у них богослужение и попросил волшебный золотой синок, животворный красный шарик и золотую тарелочку. Румяный наш мальчик принес все это и вас троих вернул к жизни при помощи этих святых. Вот этот мальчик, спасший вас. С этими словами показала им Толи Гоа кудрявого румяного мальчика, уложенного в свою постельку. Тогда мужи поцеловали и обняли мальчика, отнимая его друг у друга и не отпуская на землю. Стали они там долго наслаждаться; болтали они громко точно барсы: шумели точно драконы; закурили сине-лиственный табак, пуская тонкий синий дымок.

Сказал хан Харангуй: „Братья мои, втроем отправимся к своим кочевьям, успокоим мысли отца и матушки. 46 б. Пусть этот черно-соболевый дворец, и весь этот скот, находящийся на этой обстановке, весь этот подвластный народ достанутся этому мальчику и двум этим матерям“. С этими словами он направился скача к своим айхан тохойским кочевьям, ведя за собою своих братьев. Тем временем они увидели, как черный злобный враг рубится и сражается с ханом батюшкой Митал угэй со всем своим войском. Подскакали братья втроем и стали рубиться с трех разных сторон. Разя, метя, убивают они по тысяче врагов; разя с напором, уничтожают они по десяти тысяч. Воскликнул тогда, зовя своих сыновей, отец хана Харангуй: „хан Харангуй мой с черно-каменным сердцем, ставший жертвой черного беркута. Уладай мэргэн мой с бурым каменным сердцем, ставший жертвой птицы!“ Кончив все свое оружие, которое он держал в руках, хан батюшка схватил большой деревянный шест и стал вновь биться во все стороны. Увидев, что ему не сесть на гороподобного сивого лысого бешеного [дикого] коня, стал он всех врагов уничтожать, уменьшая их, стал он разреженных истреблять. 47а. Увидев и узнав своих сыновей, хан батюшка упал на землю, перелетев через сивого бешеного коня, упал он, землю обнимая. Подбежал к нему с братьями хан Харангуй, поднял его на ноги и, с плачем посадив его на коня, превратил в пепел последние вражеские войска. Затем прискакал хан Харангуй к своему белому дворцу, воздвигнутому без обручных шнуров. Увидела его прекрасная матушка Тунхэ Гоа и упала в обморок у своих стен. Хан Харангуй поднял

ее и понес во дворец. И когда хан батюшка и матушка царица обнимались со своими соновьями, заколебалась, говорят, великая земля. Хан Харангуй дал своим родителям лекарства и, приведя их в прежний вид, рассказал им обо всем, что случилось со времени его отъезда до самого возвращения. Стали они громко смеяться, раскрывая свои белые бронзовые зубы. 47б. Закинули они за уши свои кудри, красивые как павлиньи перья; стали они так наслаждаться, устроили пир и торжество, собрав свой малый простой народ.

Тем временем прибыл румяный мальчик с кудрявыми волосиками, ведя за собою своих двух матерей, а также десять тысяч белых верблюдов, нагруженных пожитками и дворцом, и тысячу белых верблюдов, нагруженных ганджуром и данджуром; прибыл он с шумом и грохотом. Встретил его весь народ, разгрузил [этот народ] его выюки и, подняв его черно-соболевый дворец, пожелал ему всяческого счастья и благодати. Ударив в большой барабан, собрали большой народ; ударив в малый барабан, собрали малый свой народ и подданных; выставили море вина, рядами выставили мясо [кушание], — так пир устроив, наслаждались в том великом и приятном ликовании. Сказал хан Харангуй своим братьям — Уладай мэргэну и Хиргис Сайн Буйдэру: „Поезжайте вы вдвоем поскорее. 48а. И привезите сюда всех жен и детей всех подданных Хиргис Сайн Буйдэра и Хатан Цэнгэля.“ С этими словами отправил их хан Харангуй. Быстро поехали те братья, отправили они всех людей и имущество Хиргис Сайн Буйдэра; затем забрали все то, что принадлежало Хатан Цэнгэлю, ничего они там не оставили, даже войлочный обрывок. Затем они в тот же день вернулись обратно и заполнили все айхан тохойское кочевье. Построили они тут же дворец Хиргис Сайн Буйдэру.

Чтобы совершить обряд брачного поклонения трех прекрасных дагини, вошли они в белый большой дворец хана батюшки Митал угэй, построенный без обручных шнуров; вошли они во дворец, перешагнув через высокий порог. А во дворце в большой широкий огонь-очаг капнули масло-жир, разложили черный ковер и, наклонив нежные головки прекрасных дагини, совершили брачный обряд. Батюшке и матушке поднесли они длинный золотой хадак, преклонили их [невест] колена, наклонили их головки и совершили брачное поклонение. 48б. Прекрасный хан батюшка Митал угэй сказал такое благопожелание: „[Милые] мои невестки. Живите долго и счастливо, долго радостно живите. Крепко держите то, что получите в жизни; своему подвластному народу дайте счастье; чтобы сохранить свою державу, имейте каждая по три прекрасных сына [могучих как] железо“. Такое, говорят, благопожелание сказал. Так шестьдесят суток они наслаждались, на восемьдесят суток устроили пир и торжество. Радовался там миллион людей, пировало восемьсот тысяч людей.

Тем временем от прекрасной дагини Толи Гоа родился один прекрасный мальчик с золотой грудью, серебряной задницей, медным лбом и красивейшим станом. „На радостях снова радость, на счастье снова

счастье“, говорят, на шестьдесят шагов воздвигнули пламя и поймали маленького жеребенка; на двадцать шагов воздвигнули пламя и поймали жеребенка ростом с ягненка; воздвигнули большой костер и устроили пир, где благоухало мускусом. 49а. Уйлэн Солонго стала играть на тонких черных гуслях, сделанных из костей диких коз, облицованных слоновой костью, [а подставки под струнами] были из сандалового дерева. Как только провела она по струнам раз, весь сидевший там народ был растроган бесконечно [во всех членах]; когда провела она во второй раз, задрожал весь белый дворец от дверей до макушки. Через некоторое время собрались они, чтобы трем прекрасным мальчикам дать имена и звания. Сыну хана Харангуй дали имя „Всепобеждающий и совершеннейший хан Соно“. Сына Уладай мэргэна нарекли „Непобедимым вражьими силами и неуязвимым стрелой Харалдзан Бэтэгэ“. Сына Хиргис Сайн Буйдэра нарекли „Одолевающим приходящих врагов и всеми непобедимым Боролдзон Бэтэгэ“.

С тех пор стали они все поживать, во вне не подпуская бедствия, в юрте не допуская зла, распивая вина точно море, кушая вкуснейшую пищу, обретая вечность и, не видя смерти, пребывая в богатстве без бедности, над собою не зная властелина, а возле себя — врага. Так прекрасно и счастливо они поживали.

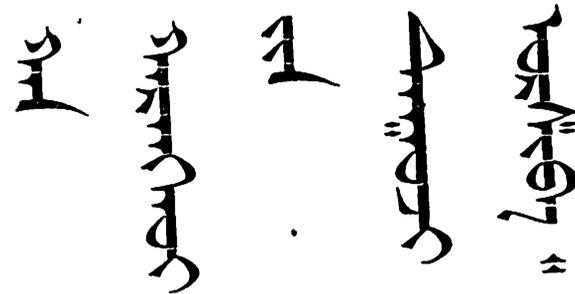
Да будет вечное блаженство.

Манг-га-ла.

Ом-ма-ни бад-ме хум!

III

МОНГОЛЬСКИЙ ТЕКСТ ПОВЕСТИ „ХАН ХАРАНГУЙ“¹

¹ Начало каждого листа оригинала обозначается соответствующими цифрами, причем знаком а отмечается лицевая сторона, а знаком б — оборотная, например: 2а, 4б и т. д.

הַמִּשְׁפָּחָה

וְהַיְהוּדִים

הענין הזה

הוא שיש

בזה ענין ...

הוא שיש

בזה ענין

הוא שיש

בזה ענין ...

הוא שיש

בזה ענין

הוא שיש

בזה ענין ...

הוא שיש

בזה ענין ...

הוא שיש

" והוא שיש

בזה ענין ...

הוא שיש

בזה ענין ...

הוא שיש

בזה ענין

הוא שיש

בזה ענין

הוא שיש

בזה ענין ...

הוא שיש

בזה ענין ...

הוא שיש

בזה ענין ...

הוא שיש

בזה ענין

הוא שיש

בזה ענין ...

הוא שיש

בזה ענין ...

הוא שיש

בזה ענין

הוא שיש

" והוא שיש

בזה ענין

הוא שיש

בזה ענין ...

הוא שיש

בזה ענין

הוא שיש

בזה ענין ...

הוא שיש

בזה ענין ...

הוא שיש

בזה ענין ...

הוא שיש

בזה ענין

הוא שיש

בזה ענין

הוא שיש

בזה ענין ...

הוא שיש

בזה ענין

הוא שיש

בזה ענין ...

הוא שיש

בזה ענין ...

הוא שיש

בזה ענין

הוא שיש

בזה ענין ...

הוא שיש

בזה ענין

הוא שיש

בזה ענין ...

הוא שיש

בזה ענין

הוא שיש

בזה ענין

הוא שיש

בזה ענין

הוא שיש

בזה ענין

הוא שיש

בזה ענין ...

הוא שיש

בזה ענין

ଉଦ୍ୟୋଗୀ ଶ୍ରମ ଲାଭକୁ
ଆମର ଉଦ୍ଦେଶ୍ୟ ଉପକ୍ରମରେ

କାର୍ଯ୍ୟକାରୀ ହୋଇବାର
ପରମ ଉଦ୍ଦେଶ୍ୟ ଲାଭକୁ
ଆମର ଉଦ୍ଦେଶ୍ୟ ଉପକ୍ରମରେ

ଶ୍ରମ ଲାଭକୁ ଉପକ୍ରମରେ
ଆମର ଉଦ୍ଦେଶ୍ୟ ଉପକ୍ରମରେ
ଆମର ଉଦ୍ଦେଶ୍ୟ ଉପକ୍ରମରେ

ଆମର ଉଦ୍ଦେଶ୍ୟ ଉପକ୍ରମରେ
ଆମର ଉଦ୍ଦେଶ୍ୟ ଉପକ୍ରମରେ
ଆମର ଉଦ୍ଦେଶ୍ୟ ଉପକ୍ରମରେ

ଆମର ଉଦ୍ଦେଶ୍ୟ ଉପକ୍ରମରେ
ଆମର ଉଦ୍ଦେଶ୍ୟ ଉପକ୍ରମରେ
ଆମର ଉଦ୍ଦେଶ୍ୟ ଉପକ୍ରମରେ

ଆମ ଉଦ୍ଦେଶ୍ୟ ଉପକ୍ରମରେ
ଆମର ଉଦ୍ଦେଶ୍ୟ ଉପକ୍ରମରେ
ଆମର ଉଦ୍ଦେଶ୍ୟ ଉପକ୍ରମରେ

ଆମ ଉଦ୍ଦେଶ୍ୟ ଉପକ୍ରମରେ
ଆମର ଉଦ୍ଦେଶ୍ୟ ଉପକ୍ରମରେ
ଆମର ଉଦ୍ଦେଶ୍ୟ ଉପକ୍ରମରେ

ଆମର ଉଦ୍ଦେଶ୍ୟ ଉପକ୍ରମରେ
ଆମର ଉଦ୍ଦେଶ୍ୟ ଉପକ୍ରମରେ
ଆମର ଉଦ୍ଦେଶ୍ୟ ଉପକ୍ରମରେ

